

Анна
Султан

АНАТОМИЯ

страсти

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лия Султан

Анатомия страсти

<https://litres.ru/74457113>

SelfPub; 2026

Аннотация

И здесь я, кажется, перегнула палку, потому что главврач слишком резко поворачивает кресло к себе, берет меня за локоть и поднимает. Прижав к твердой груди, босс вновь заглядывает в глаза и тяжело дышит.

— Ты меня вывести хочешь, Майя?

— Соблюдайте субординацию, Арлан Тимурович. Иначе я заявлю о харассменте. Не переходите границы.

Хотя какие границы могут быть между бывшими любовниками, которые собирались пожениться, а потом он уехал в Америку на стажировку и изменил мне?

— Границу я перейду тогда, когда тебя поцелую, — угрожает, тяжелый взгляд вновь съезжает с глаз на губы.

— Никогда я тебе не дам...

Хочу сказать себя поцеловать, но слова просто тонут в бушующем море.

Майя - ведущий специалист Международного центра репродуктологии. В свои 36 одинока и язвительна. Но однажды в клинике появляется новый главврач - Арлан Тимурович. Он же - бывший, которого она когда-то безумно любила, а

потом возненавидела. Теперь ей придется работать под его руководством.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	51
Глава 9	56
Глава 10	61
Глава 11	67
Глава 12	74
Глава 13	79
Глава 14	88
Глава 15	93
Глава 16	98
Г	105
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Лия Султан

Анатомия страсти

Глава 1

— И что, прям красавчик, да? — заламываю бровь и сомкнув губы на трубочке тяну воду с лимоном из любимой бутылочки.

— Прям красавчик. Сама бы запала, если б была молодая. Но раз немолода, то для тебя присмотрела, Майечка, — улыбается баба Глаша, которая видимо, в молодости была ого-го какая затейница, раз даже сейчас положила глаз на нового жильца из дома напротив.

— Он похож на Бурака Очкивита, — вторит ей Сара-апай, еще одна соседка - любительница турецких сериалов.

— Да не Очкивит, а Оз-чи-вит, — сложив пальцы клювиком исправляет подружку Айша-апай. — Сколько раз говорить.

Вместе этот золотой состав “ВИА Гры” - местное информбюро, которое в курсе всех новостей не только нашего дома высокого быта, но и двора. Старушки с утра пораньше ходят

в ближайший сквер заниматься скандинавской ходьбой. На обратном пути мы пересекаемся и я слушаю местные сплетни. Свежак - в доме напротив поселился какой-то красавчик под два метра с мужественной щетиной и черными, как смоль, волосами. По описанию похож на турецкого краша пенсионерок и главное - кольца не безымянном пальце нет.

— Я те говорю, Май, не женат он, — подмигивает мне баба Глаша. — У меня глаз на женатиков еще с молодости наметан. У него окна на твои выходят. Так что все в твоих руках.

— О Господи! — подавившись, я начинаю кашлять. — Стесняюсь, спросить, к чему вы это баб Глаш? Может мне ему шоу с переодеванием “За стеклом” устроить?

У моих соседок, как и моей мамы, идея фикс - выдать меня замуж. Потому что мне 36, я старая дева, а часики тикают. То что они тикают я и сама знаю, потому что это моя профессия. Я репродуктолог и помогаю бездетным парам стать родителями. В этом моя миссия на этой грешной Земле. Давайте знакомиться. Меня зовут Майя Аскарбек. Во мне прекрасно уживаются две крови: немецкая - по маме и восточная - по папе. Их интернациональная любовь на выходе выдала двух совершенно противоположных девочек. Младшая сестра - мечтательница, витающая в облаках, а я - реалистка и карьеристка, или как говорит мама “Куколка с языком, как у сапожника”.

— Так, мои хорошие, мне пора на работу, — сворачиваю

тему женихов. — Чмоки-чмоки в обе щеки, — машу им ручкой и быстро иду на остановку.

— Подумай, Май! Такие мужики на дороге не валяются, — кричат они мне вслед.

— Обязательно подумаю!

Но новый сосед быстро вылетает у меня из головы. День сегодня шикарный. Понедельник. Генеральный представит нового главного врача, имя которого держится в секрете. Марк Эдуардович говорит, что это большой сюрприз. Что ж, надеюсь, сработаемся. Жаль, наш прежний главный ушла, чтобы бороться с онкологией.

Прием начинается в девять, в клинику приезжаю в 8.45. Девочки на ресепшене взбудоражены появлением нового главного. Все красотки сегодня, потому что прошел слухок, что это мужчина. Причем, не старый.

— Привет, красотки, — улыбаюсь им по пути к лестнице.

— Здравствуйте, Майя Каримовна, — хором здороваются они.

Мой кабинет на втором этаже и возле него уже сидят две пациентки. Глазки у обеих грустные, но полны надежд. Первую надо посмотреть на третий день цикла. В этом месяце мы делаем инсеминацию. А вторая уже полгода пытается забеременеть в естественном цикле и мы с ней продолжаем бороться.

— Майя Каримовна, — привстает первая. — Можно?

— Одну минутку, я приглашу.

В кабинете быстро переодеваюсь в медицинскую форму, включаю компьютер и УЗИ-аппарат, установленный рядом с гинекологическим креслом.

Итак, здравствуй, новый день.

В понедельник обычно дел невпроворот. Пациенты идут один за другим. В десять ко мне заходят трое: супруги и их суррогатная мать - дальняя родственница жены, которая согласилась выносить для пары ребенка. У моей пациентки патология эндометрия при хорошо работающих яичниках. Мы взяли у нее пятнадцать яйцеклеток и заморозили их. Теперь дело за малым - оплодотворить их и перенести в матку той самой родственницы, которую я сейчас и осматриваю за ширмой.

Веду датчиком УЗИ, пока моя пациентка Елена держит за руку свою троюродную сестру Инну. Сегодня третий день цикла. Инна жалуется, что мажет как-то странно и я хочу разобраться, почему. Внимательно смотрю на экран и замечаю просто чудо чудесное.

— Дата последних месячных? — спрашиваю, мельком взглянув на нее.

Инна напрягает память и говорит дату, а я понимаю, что у нас нештатная ситуация.

— Майя Каримовна, что-то не так? — беспокоится Елена, муж которой ждет нас за ширмой.

— Одевайтесь, Инна, — прошу я, снимаю перчатки и отправляю их в урну.

Принтер распечатывает результаты УЗИ и лучше я скажу им все за столом.

— Лена, — вздыхаю и стараюсь сохранять спокойствие, когда она садится передо мной, а Инна приземляется на кушетку сбоку. — Только не волнуйтесь, но Инна беременна. Вот видите, — показываю пальцем на черно-белую картинку, — небольшое плодное яйцо прикрепилось к стенке.

— Не может быть, — ахает Инна, закрывая рот руками. — У меня же месячные.

— На ранних сроках такое бывает, может мазать. Я выпишу вам препарат для поддержки. Но Лена, — обращаюсь к пациентке, — нам с вами придется искать другую суррогатную мать. Инна исключается из программы.

— Нет! — восклицает Лена, метнув яростный взгляд на сестру. — Как ты можешь быть беременна?! Ты же обещала! Ты же говорила, что у тебя никого нет! Я же просила тебя. Мы тебе деньги обещали.

— Прости, — Инна прячет лицо в ладонях и рыдает. — Прости, я просто влюбилась и мы сделали это.

— Блядь, молчи, — наконец, подает голос муж Лены - Слава, которого она все это время держала за руку. — Молчи.

— Ты же сказал, что сам ей скажешь. — Инна смотрит на них красными глазами, а до меня, наконец, доходит весь ужас ситуации. Впрочем, до Лены он тоже доходит.

— Ты и Слава? — ее шепот такой страшный, что даже у

меня кровь стынет в жилах.

— Он обещал.

— Я ничего не обещал, — оправдывается он.

— Шалава! — я не успеваю среагировать, когда Лена набрасывается на Инну, валит ее на кушетку и начинает бить кулаками. Инна дает отпор, толкает сестру и та падает в объятия мужа. Но та снова летит на нее, и они уже дерутся не на жизнь, а на смерть.

— Успокойтесь! Успокойтесь, я сказала! — пытаюсь разнять женщин. Дверная ручка шевелится. В коридоре слышен громкий и жесткий мужской голос:

— Что у вас там? Откройте! У кого ключ?

Ох уж эти магнитные замки. Изнутри мы можем открыть дверь, а снаружи нужен электронный ключ. Это сделано для соблюдения приватности во время приема.

— У медсестер! — кричу я, а сама пытаюсь помочь Славе разнять его женщин.

— Шмара! Сучка! Спала с моим мужем! — кричит Лена и тянет сестру за волосы.

— Ай больно! Психичка! Неудивительно, что ты не можешь родить. И трахаться нормально.

Елена звереет, заносит кулак. Я хочу перехватить ее руку, но она в состоянии аффекта толкает меня со всей силы и я улетаю к стеллажу и ударяюсь головой о полку.

Резкая боль в затылке. В глазах на пару секунд становится темно, а после мушки летают и я прикрываю веки. Слы-

шу женский визг, но ничего уже не могу разобрать. Сползаю вниз, чувствуя как раскалывается голова.

— Что вы здесь устроили? — ругается мужчина. Наверное, дверь открыли. Я не разберу, потому что не могу открыть глаза. — Охрана, выведите! — требует он, а женщины стихают и я слышу плач Елены:

— Майя Каримовна, простите! Я не хотела. Пожалуйста, простите.

— Дура! Смотри, что ты наделала. Она отключилась.

— Идите, — строго велит мужчина. который судя по всему и открыл злосчастную дверь.

Почему-то его голос кажется мне знакомым, будто я слышала его в другой жизни.

Теплые сильные пальцы осторожно касаются шеи и меня в этот миг прошибает током. Как бережно этот мужчина трогает меня, как хорошо. Ох, Майя, не к добру такая внезапная реакция на чужие руки.

— Майя, где болит? — тихо спрашивает. Откуда он знает мое имя?

— Затылок. Ударилась.

Глаза режет от яркого света, когда я их открываю. Лицо мужчины напротив вижу расплывчато, но пытаюсь сфокусироваться и вдруг...

В ушах напряженно звенит. Господи, только не он! Только не это! Ну почему, Господи! За что мне это наказание? Что он делает в нашей клинике?

Мы смотрим друг на друга непозволительно долго, пока вокруг нас суетятся медсестры. Слова застревают в горле, или же я просто разучилась говорить. Неверие сменяется осознанием, что рядом со мной на корточках сидит мужчина, которого я когда-то безумно любила. Мой первый мужчина. Первый во всем. Первая любовь, поцелуй, секс. Первое и пока единственное разочарование. Потому что после него я никак не могу построить нормальных отношений.

— Майя, ты меня слышишь? Моргни, если да, — проверяет мои реакции, а я молчу, хотя хочется кричать.

И почти сразу флэшбэк: восемь лет назад я позвонила ему по “Скайпу” в надежде помириться и поговорить, попробовать решить, как нам дальше сохранить любовь на расстоянии. Он тогда проходил двухгодичную стажировку в американской клинике - выиграл грант. А я ждала его дома. За несколько дней до этого мы сильно поругались и я предложила взять паузу, чтобы понять, куда мы движемся дальше. Это был кризис, проверка наших чувств.

Не прошло и недели, как я поняла, что была неправа и сделала первый шаг. Хотела сказать, как его люблю и не хочу терять. Он принял звонок. Вернее, не он, а она. Миниатюрная азиатка в майке и трусиках, которая на идеальном английском поздоровалась со мной, а на мой вопрос, где Арлан, ответила:

— He’s in the shower.

Он в душе.

И в ту же минуту Арлан вошел в комнату в спортивных штанах. Волосы, как и обнаженный торс блестели от влаги. Азиатка, увидев его за спиной, томно улыбнулась, повернулась к нему и прошептала:

— Hey, baby. Somebody is calling you from your country.

Быстро перевела в уме: “Эй, малыш, тебе кто-то звонит из твоей страны”.

Малыш? Она назвала моего Арлана малышом?

Увидев меня, он тут же изменился в лице и подняв ноут со стола, сказал произнес:

— Зачем звонишь, Майя?

Эта сталь в голосе меня поразила и ранила. Он говорил со мной, как с чужой, смотрел на меня со злостью, а я не понимала, что я сделала, чем заслужила. Ничего не ответив, закрыла крышку ноутбука и расплакалась. Было безумно больно от его предательства. Больно представлять, что он целовал, обнимал, ласкал ее также как меня.

Жестоко. Очень жестоко. Все слова о любви ничего не значили, все обещания оказались ложными, пустыми. Мы не прошли проверку, мы завалили этот экзамен. Он ушел вперед, я плелась в хвосте со всем своим самокопанием, рефлексией, девичьей мнительностью.

Что было дальше, даже вспоминать не хочется. Невыносимая боль, ожидание звонка, которого так и не было, слезы, просмотр его Инстаграма (соцсеть, запрещенная на территории РФ). Он не публиковал ничего личного, только фо-

то больницы, конференций. Но по хэштэгам его клиники я вышла на ту самую азиатку. Как оказалось, японку. Она работала там медсестрой и запостила селфи с Арланом. Где-то в кабинете, с надписью “My wolf” - “Мой волк”.

И вот он здесь. Сидит рядом со мной, держит мою голову в своих ладонях, смотрит встревоженно. По-прежнему красивый, возмужавший и теперь чужой. Мой бывший любимый.

— Майя, — зовет меня Арлан.

Арлан... Его имя означает вожак стаи волков. Волк и есть.

— Майя. Ты меня слышишь?

Глава 2

— Майя, ты меня слышишь? — повторяет Арлан, всматриваясь в мое лицо. Брови хмурит, как раньше. Такой же обворожительный. Такой притягательный.

Стоп, Майя. Включай голову. Это все химическая реакция, не более. Ты же сама знаешь.

— Слышу. Мне надо встать, — отвожу взгляд и пытаюсь оттолкнуться руками от пола.

— Нет, сиди, — он хватается меня за плечи и смотрит сурово. — Сейчас терапевт тебя осмотрит.

Тоже мне, начальник нашелся!

— Не указывай мне, что делать. Я хочу встать. И руки убери.

Он демонстративно их убирает и поднимает на уровне глаз растопыренные ладони. Взгляд по-прежнему жесткий, тяжелый. Я не слушаю его и все-таки поднимаюсь на ноги, но внезапно кружится голова, перед глазами все плывет и я хочу схватиться за полку, однако рука не слушается, летит мимо, как и я, и в это мгновение меня ловит Арлан.

Секунда. Вторая. Третья. Все устремляется куда-то вниз. Я на краю обрыва. Вдруг становится оглушающе тихо, ведь бывший сжимает меня в объятиях и смотрит внимательно сверху вниз. Уголки его твердых губ дрожат. Мое сердце пе-

рестает биться, а громкий стук его я, кажется, слышу. У нас внушительная разница в росте и рядом с ним я всегда казалась малюткой. А ему это нравилось, он даже меня маленькой называл. Где-то в параллельной Вселенной.

— Ты все такая же, пчелка Майя. Очень красивая и жутко упрямая.

Подбородок дрожит, хочу ответить ему и послать в дальние дали, откуда он к нам приехал, но слова не идут, горло будто колючей проволокой скручивает.

— Арлан Тимурович, Наталья Михайловна освободилась, уже бежит, — наше уединение нарушает медсестричка, которая увидев нас в недвусмысленной позе, быстро закрывает дверь.

Арлан Тимурович... с чего вдруг столько чести?

Вашу Машу! Не может быть! Нет же, ну нет.

— Арлан Тимурович? Так это ты новый главный?

— Я, — расплывается в довольной улыбке, а мне хочется заехать кулаком по наглой роже.

— Посади меня! — требую.

— Куда? — недоумевает он.

— На голову себе! — рывкаю. — На стул, куда еще?

Только этого для полного счастья мне не хватало. Арлан - наш новый главный врач, а значит, мой босс. Человек, с которым я спала... Нет, не просто спала, а которого любила больше всего на свете, теперь мой руководитель. Он видел меня голой, я видела его голым. Боже, я уволюсь!

— Майя! Господи, весь центр на ушах, — терапевт Наталья Михайловна залетает в мой кабинет аккуратно, когда Арлан сажает меня на стул. В коридоре взволнованные пациентки наблюдают за операцией по спасению репродуктолога, пока коллега меня осматривает.

— Наталья Михайловна, мне кажется, Майю Каримовну надо отправить в больницу.

— Надо, — соглашается она и светит мне в глаза фонариком.

— Не надо. У меня прием, пациенты! Я нормально себя чувствую.

— Вы не можете на ногах стоять, — возражает бывший. — Как вы будете работать?

— Головой, а не ногами, — огрызаюсь, а Наталья Михайловна бросает на меня удивленный взгляд.

— С головой у вас, похоже, не все в порядке, — парирует он, а терапевт переключается на Арлана и не понимает, почему мы с новым главврачом общаемся как кошка с собакой.

— Да что вы говорите? У меня просто ушиб. Это не сотрясение, да? — с надеждой смотрю на нашу коллегу.

“Майя, не пали контору”, — говорит мне внутренний голос.

Правильно, я не должна себя выдавать, но во мне кипит негодование, боль и обида. Почему он? Почему здесь? Почему сейчас?

Меня начинает тошнить, прикрываю рот ладонью и наду-

ваю щеки. Страшно хочется вырвать.

— Ведро! — громко велит терапевт новому главврачу.

За секунду передо мной оказывается ведро, куда летит весь мой завтрак.

— Скорую вызывайте. Сотрясение, — заключает Наталья Михайловна. — В больницу тебе надо, Майя.

Все тело обдаёт то мелкой дрожью, то пламенем. И это не только из-за сотрясения мозга, я знаю. Протираю влажные губы тыльной стороной ладони и смотрю на бывшего исподлобья, пока он звонит в 103, обрисовывает ситуацию, называет адрес.

— Ложитесь на кушетку Майя Каримовна, — от его приказного тона по позвоночнику пробегает холодок.

— У меня пациенты, — я пытаюсь сохранить хоть какие-то остатки гордости, но меня снова тошнит.

— Ваших пациентов я беру на себя.

Нет, вы только на него посмотрите. Без году неделя в центре, где я работаю два года, и уже хочет взять моих пациентов на себя. Он всегда был самоуверенным. В прошлом мне эта черта даже нравилась.

— Вы не знаете, что нужно...

Не успеваю договорить, потому что в палату входит генеральный директор клиники - седовласый и крепкий Марк Эдуардович Фидлер — академик, светила, главный внештатный репродуктолог нашей страны. Я всегда мечтала с ним работать, а сейчас он смотрит на меня по-отечески строго,

но спокойно, а я думаю лишь о том, что выгляжу ужасно и от меня пахнет рвотой.

Мне, конечно, везет как утопленнику.

— Майя, что здесь случилось? — поправляя очки, спрашивает он.

Обреченно вздыхаю, будто на плаху ступаю. Если уж Фидлер спустился, то плохи мои дела.

— Марк Эдуардович, форс-мажор. Суррогатная мать забеременела от мужа пациентки. В смысле естественно. В смысле, он изменял ей с ее троюродной сестрой. И они подрались.

Три пары глаз удивленно смотрят на меня. Арлан складывает мускулистые руки на груди и хмыкает:

— Весело у вас тут однако.

— Ну что ж, бывает, — генеральный разводит руками. — А ты?

— Я хотела их разнять, но отлетела к шкафу и ударилась головой... Ой, — как только вспомнила об этом, тут же почувствовала боль в затылке и головокружение.

— Я считаю, Майю Каримовну нужно отправить на скорой в больницу. А далее по ситуации. Но я бы рекомендовал больничный.

— Я не могу уйти на больничный, у меня пациенты! У меня переносы (*переносы эмбрионов - прим.авт.*), — мой голос уже звучит уже не так уверенно.

— Я же сказал, что возьму их на себя, — Арлан уже теряет

терпение и говорит со мной, как недовольный босс.

— А не слишком ли вы много на себя берете? — бросаю ему вызов и тут же тушуюсь по зорким взглядом шефа. Фидлер в шоке и только Наталья Михайловна пытается меня оправдать.

— Головой ударилась бедняжка, — по-матерински заботливо заправляет за ухо прядь.

Глава 3

— Головой ударилась, бедняжка моя, — жалеет подруга.

— Лязочка, спасибо, что забрала меня из больницы. На такси ехать не хотелось, — пристегнув ремень безопасности, поворачиваю голову и смотрю на подругу грустными глазами.

У меня действительно сотрясение мозга, мне прописали лекарства, постельный режим и отправили домой. А Марк Эдуардович — на больничный. Маме с сестрой звонить не стала, иначе начнется драма. Вот был бы у меня парень или муж, я бы его вызвала, он бы меня до дома довез, на руках в квартиру занес, отогрел, полечил. А так пришлось просить подругу — бизнесвумен, которая не привязана к офису и имеет машину под пятой точкой.

— Да не вопрос. Зачем еще нужны подруги? Не только же, чтоб бухать вместе, — хохмит она и заводит мотор.

С Ляззат мы дружим с первого курса Медицинского. На втором она поняла, что лечебное дело — не ее страсть и забрала документы. Сегодня у нее своя кофейня в историческом Золотом квадрате и дочь от бывшего мужа.

— Удобно тебе? Спинку еще опустить? — заботливо

спрашивает она.

— Не, нормально, — я уже почти лежу и смотрю в потолок. — Черт, как же я опозорилась.

— Блевануть перед бывшим... это надо уметь, — посмеивается подруга и плавно вливается в автомобильный поток. — Даже не представляю, как вы сработаетесь.

— Никак! Я не могу с ним работать! Я видеть его не могу после того, что он сделал.

— Восемь лет прошло. А ты все еще видеть его не можешь? Не отболело что ли? — косится на меня.

— Отболело давно, — убеждаю ее и себя. — Просто зачем было лезть на мою территорию? Он же наверняка знал, что я здесь работаю. Все эти годы сидел себе в столице, сидел бы дальше.

— А может он именно потому и согласился на предложение Фидлера?

Теперь я кошусь на Лязку. Что за бред?

— Не смотри на меня так, — усмехается. — Ну с чего твоему волку бросать насиженное место в столичном Центре репродуктологии?

— У нас передовая клиника! — размахиваю пальцем. — Международная! К нам пациенты даже из Европы приезжают.

— У вас, может, и передовая клиника, а у него, может, незакрытый гештальт.

Смотрю на нее с выпученными глазами, пока она следит

за дорогой и продолжает:

— Глаза верни обратно на орбиты.

— Это бред, — фыркаю. — Просто совпадение.

— Совпадение? — театрально переспрашивает Ляззат. —

Не думаю. Ладно, — улыбнувшись, выворачивает руль вправо, — забей. И помни, что ты лучшая. А что там у вас с бывшим будет на работе, покажет время. Только, плиз, сохраняя субординацию и не выёживайся. А то у тебя язык твой, враг твой. Я сколько раз тебе говорила флиртовать с парнями? Ты слишком прямолинейная, а с мужиками так нельзя.

— А как надо? — теперь моя очередь ухмыляться.

— Надо иногда включать дурочку, но при этом оставаться умной и по возможности мудрой. Играючи надо, где-то “хахаха” посмеяться, где-то реснички опустить к полу и сразу взмахнуть ими, где-то волосами взметнуть, чтобы мужик увидел какие они у тебя офигенные. Мужчины любят глазами и уже с первой встречи знают, хотят ли они женщину или нет.

— С научной точки зрения это весьма спорный вопрос,

— возражаю я.

— Зануда, — цокает Ляззат и принимает звонок от дочери.

Пока они болтают, я закрываю глаза и думаю над последними словами подруги. И тут в голове невольно вспыхивает старое воспоминание - такое древнее, пылью покрытое, что надо бы засунуть его обратно, но вместо этого я сдуваю пы-

линки и воскрешаю его в памяти.

Давным-давно я только начинала работать в Центре Акушерства и гинекологии. Тогда меня заинтересовала репродуктология и я знала, что там как раз есть местечко.

Работы в тот день было много, я толком не поела, но купила в столовой пирожок и бутылку воды, и побежала к лифту.

Пока ждала его, не выдержала, достала из пакета пирожок и засунула в рот. Двери открылись, я вошла и увидела в зеркале свое растрепанное отражение и решила быстро исправить ситуацию. Мой обед так и торчал изо рта, а бутылку я сжала бёдрами. Сразу же сняла резинку, причесала волосы пальцами и собрала их на макушке.

И по закону подлости в этот самый момент, когда двери начали съезжаться, чья-то рука их резко остановила и за моей спиной появился высокий мужчина в медицинской форме и белом халате. Красивый до безобразия. И тут я с выпирающим изо рта пирожком, бутылкой между ног и поднятыми вверх руками. Вашу Машу, я тут же покраснела, когда он изогнул бровь в удивлении и снисходительно усмехнулся.

Этим мужчиной был Арлан.

— Вам на какой этаж? — спросил он, еле сдерживая улыбку.

Я наскоро собрала волосы в хвост и вытащила многострадальный пирожок из не менее многострадального рта.

— Четвертый, пожалуйста.

Украдкой следила за тем, как он нажимает цифру “4”,

Этаж отделения репродуктологии. Я тогда подумала, что он, наверное, тот самый Арлан, который был на стажировке в Южной Корее, но так и не решилась об этом спросить.

Шесть месяцев спустя мы впервые поцеловались в этом же лифте. Тогда уже работали в одном отделении и не могли отрицать, что нравимся друг другу. Нас безумно тянуло и крышу сносило. Поэтому, однажды когда двери кабины закрылись и лифт поехал вниз, мы с Арланом потянулись навстречу друг к другу, он прижал меня к прохладной стене, взял мое лицо в ладони и поцеловал. Тогда я впервые поняла, что любовь - это больше, чем химия и физика.

Я до сих пор помню слова, которые даже после расставания и предательства еще долго звенели в ушах:

“Губы пчёлки Майи сладкие, как мёд”.

Глава 4

— Губы пчелки Майи сладкие, как мёд, — сказал Арлан и нежно поцеловал подбородок, а затем спустился к шее.

Это мы уже задержались допоздна в ординаторской, которую он закрыл изнутри. Молодые были, горячие, влюбленные.

На работе дальше поцелуев у нас ничего не заходило. Я сдалась волку на его территории. Как наивная овечка угодила в пасть хищника и была такова.

— Май, если ты не готова, я тебя не трону. Ты всегда можешь остановить меня, — тяжело шептал он, оказавшись на мне.

— Нет, я готова. Правда, — говорила я тихо и неуверенно. Помню, что я дрожала от волнения и сильного желания. В тот самый первый раз я ужасно стеснялась своей наготы, но так безумно любила его, что все позволила. Не пожалела, потому что это хоть и было больно до слез, но невероятно чувственно, красиво, страстно. В первый раз я ничего не поняла и не получила, но уже со второго раза распробовала, втянулась, подседа на этот запредельный кайф.

Мы провели вместе всю ночь и половину дня. Я соврала

родителям, что у Лязки осталась, а они мне поверили, потому что доверяли. Хорошие девочки никогда так не поступают.

Потом я часто мысленно возвращалась в эти беззаботные дни, когда мы любили друг друга. Химия и физика сработали на ура. Мы оказались во всем совместимы и сходили с ума. Меняли места, позы, ласки, изучали анатомию любви и страсти. После, лежа в обнимку, разбирали истории пациентов, обсуждали новые открытия в области ВРТ, он рассказывал, что мечтает о стажировке в Америке.

Потом рекламная пауза заканчивалась и мы снова ныряли в омут с головой.

— Майя, какая ты чудесная, маленькая пчёлка, — он шептал на ухо милые нежности и пошлости и я улетала.

— Ммм, да... — стонала под ним, когда он делал со мной такие вещи, от которых я краснела, как монашка, но опять же все позволяла.

— Майя, Майя! Да проснись ты уже.

Настойчивый голос подруги и рука, сжимающая плечо, не сразу, но все-таки вернули меня в реальность.

Открыв глаза, вижу склонившуюся и встревоженную Ляззат.

— Я уснула?

— Ты стонала.

— Как стонала? — нахмурившись, переспрашиваю.

— Тебе показать, как ты стонала? “Мммм, да, еще. Вот

так”, — подружка закатила глаза и обняла себя руками. — Примерно так ты стонала. Май, — еле сдерживает смех, — а герой твоих эротических снов случайно не твой новый босс?

— Боже мой, — закрыла пунцовое от стыда лицо ладонями. — Я точно уволюсь.

— Не надо увольняться. Просто держи себя руках. А лучше всего заведи себе кого-нибудь?

— Кого? Кошку?

— Мужика блин, — рывкнула подруга. — У тебя сколько не было? Напомнить тебе?

Молчу, кусаю губы, не хочу отвечать.

— Восемь лет, — вздыхаю все-таки. — Нет, все-таки девять. В последний год мы общались по “Скайпу”.

— Девять гребаных лет. Вон андролог за тобой ухаживает, а ты тормозишь.

Кажется, Ляззат знает о моей жизни слишком много.

— Нет. Ты же знаешь, я не могу и не могла. Ходила на свидания, но все не то. Никто мне не нравится. Ни с кем у меня не было той химии, которая была с ним.

— Не, ну я понимаю, год, два, ладно три. Но целая бесконечность. Неудивительно, что ты психуешь. У тебя недотрах.

— Недотрах сильно преувеличен. И с научной точки зрения это просто...

— Ой запарила, — закатывает глаза подружка. — Просто сделай это уже с кем-то! Для здоровья и нервов.

— Я не могу с кем-то. Я по любви хочу!

Нет, на а что мне делать, если я каждого мужчину, который обращал на меня внимания за все эти годы, сравнивала с бывшим? Никогда больше я не испытала тех эмоций, радости, страсти, которая была с ним. Он учил меня всему, покори́л не только умом, но и душой, телом, нежностью и заботой. Говорил, что я одна такая и как хорошо, что такая маленькая, хрупкая, миниатюрная. Он-то ого-го какой высокий. Как потом выяснилось, я просто его типаж и та японка “Йоко Оно”” была такой же комплекции: маленькая, хрупкая, миниатюрная.

— Слушай, верность - это, конечно, похвально, но пока ты себя здесь по частям собирала, он зажигал с Йоко Оно, или как там эту Сейлормун звали?

— Мио Танака.

Столько лет прошло, а я все еще помню.

— Это не волк, это кобелина, — вздыхает Ляззат. — Забудь все! Ты должна показать, что тебе все равно. Не ведись на провокации и не дай себя запугать. Ты права - центр - это твоя территория и ты покажешь ему, что он хоть и босс, но пустое место в твоей жизни! Да?

— Да! — воскликнула я, поверив в себя. — Да!

— Молодец. А теперь выходи, доведу тебя до квартиры.

И что бы я делала без такой подруги, как Ляззат. Она меня уложила, заказала лекарства в онлайн аптеке и бульончик с сухарями в кафе. Уехала только после того, как я поела и обещала, что буду спать.

Вечером ко мне пожаловала делегация: мама, папа, младшая сестра, племянник. Ругаются, что сразу им не позвонили и что вообще полезла разнимать двух обезумевших баб. Я им: “Не орите, мне нужен покой”, а они сначала замолкают, а потом по новой.

— Мужа тебе надо хорошего, — качает головой Флора. О да, вот у кого все в порядке. С первым мужем развелась семь лет назад и через год снова выскочила замуж. За него же.

— Мне нужен покой и умиротворение, — закрываю глаза.
— И свет выключите, глаза режет.

— Май, давай я останусь, — предлагает папа.

— Нет, пап, не надо. У меня все под контролем.

— Где у тебя под контролем? — цокает мама. Ее кстати, зовут Марта и имена нам выбирала она. Хорошо, что меня не назвали Фауной. — У тебя в холодильнике мышь повесилась.

— На чём?

— Она опять начинает! Карим, она опять начинает!

— А что я начинаю? Там даже не на чем вешаться.

В общем, мама снова затягивает лекцию о моей несостоятельности, как хозяйки, о том, что от немецкого мне достались только глаза и белая кожа, и вообще, кто меня такую строптивую замуж возьмет. Потом они с сестрой делают влажную уборку в моей двушке, за которую я выплачиваю грабительскую ипотеку, и забивают морозильник пельменями и варениками. С чувством выполненного долга семья по-

кидает меня ближе к десяти, после чего я отключаюсь.

Следующие дни я только лежу, принимаю лекарства и встаю исключительно по необходимости. Приезжали Лязза с дочкой, проверить, не померла ли я. А еще забежала моя коллега Юля. Она мне все уши прожужжала про нового главного врача, глаза б мои его не видели.

— Красавчик, конечно, ничего не скажешь. На турецкого актера похож. А высокий какой! Если б не мой Вадик, я б, наверное, как наши медсестры на него реагировала.

— Это как?

А то я не знаю как. Когда он был ординатором, девочки-интерны с других отделений вслед ему смотрели, а меня это бесило. Вот сейчас я понимаю, что имела в виду моя немецкая бабушка, когда говорила, что мужчина должен быть чуть красивее обезьяны. Потому что красивый муж - горе в семье.

— Краснеют, ахают, охают. Майские кошечки.

— Как по мне, ничего в нем такого нет. Мужик как мужик. Руки, ноги, голова, жопа — фыркаю я.

— И какая жопа! — хихикает Юлька. — Короче, кто-то ему сказал, что мы с тобой дружим, и он меня сегодня на выходе поймал и спросил, как ты себя чувствуешь

Почему меня внезапно так волнуют эти слова? И в груди что-то теплое, как мёд тягучее разливается. Нельзя, Майя! Даже не входи в эту реку!

— А ты что?

— Сказала, что нормально и он пошел дальше. И все-таки Тимурович красавчик. Главврач и должен быть таким внимательным к подчиненным. Ты же сама знаешь, что он всех твоих пациенток на себя взял.

— Знаю, — злюсь, потому что меня от этого разрывает. Это мои пациентки. Одну из них я веду уже два года и, наконец, у нас получилось взять яйцеклетки, оплодотворить их и заморозить эмбрионы. В среду, наконец, состоялся криоперенос. И сделал его Тимурович. А должна была я.

— Опыт у него, конечно, колоссальный.

Спорить я с ней не стала, тем более, она не в курсе нашей истории с “Тимуровичем”. Теперь я уж точно никому ничего не скажу.

Так расслабленно проходят все мои будние дни, а в субботу я уже чувствую себя намного лучше. Головные боли прекратились и так захотелось, наконец, выйти на балкон, погреться на солнышке.

Старый город я люблю за его четырехэтажные дома с уютными квадратными дворами и высокими арками с коваными воротами. Мне нравится атмосфера, зелень, ухоженные площадки, потому что наши старожилы не дают спуска коммунальщикам. Но больше всего мне нравятся балконы с балясинами и лепниной в стиле “сталинского неоклассицизма”. У меня здесь стоит круглый стол и плетеное кресло. Летними вечерами я устраиваюсь поудобней с чашкой чая или стаканом лимонада и читаю медицинские журналы.

Провожу ладонями по широким перилам, смотрю вниз на собирающуюся на площадке детвору. Поднимаю глаза к небу и улыбнувшись, щурюсь от того, что яркий солнечный свет бьет прямо в глаза. Теплые лучи согревают лицо и в эти секунды кажется, что все у меня хорошо. Ведь так и есть.

Приподнимаюсь на цыпочках, развожу руки в стороны и задираю их над головой, потягиваясь, как после сна. Эх, хорошо! И только когда я возвращаюсь в исходное положение и открываю глаза, то врезаюсь в пристальный, хищный взгляд волка, который стоит на балконе напротив.

Вашу Машу! Тот новый жилец, о котором говорили мои апашки, и есть Арлан? Не может быть! Он и тут решил меня достать? Смотрю на него, задрав подбородок вверх. Двор - это тоже моя территория. А потом вижу, как он мажет по мне горячим взглядом, от лица к шее, груди в спортивном топе, открытому животу и (о боже!) ногам. Я же в шортах. Коротких мать их шортах.

Глава 5

Арлан

В коротких мать их шортах стоит на балконе. То ли девочка, то ли виденье. Все такая же маленькая, хрупкая, с большими глазами, как у олененка. Но вместо языка у нее ядовитое жало, как у пчелы.

Пялюсь на нее неприлично долго. Тонкая шея, выступающие ключицы, красивая приподнятая грудь. Мне кажется, я даже вижу ту самую ложбинку, от которой балдел, когда она оставалась в одном бюстгальтере.

Живот, талия, которую крепко сжимал, когда укладывал ее на себя. Ноги... И она поворачивается спиной, но не уходит, а снова поднимает руки и тянется к солнцу. Пытка. Потому что шорты едут вверх, показывая мне чуть больше, чем я хотел бы увидеть. Да к черту! Хотел увидеть. Хотел. Ради нее вернулся в этот город, бросил все в столице и принял предложение Фидлера. Только потому что знал, что она у него работает.

И как работает. Всю неделю принимал ее пациенток, просматривал их карты, анализировал назначенное Майей лечение и протоколы ЭКО. Она молодец. Все делает правильно, и женщины все меня донимали вопросом: “А когда Майя Ка-

римовна выйдет?»

— Я понимаю, что вы один из лучших. Я про вас слышала и читала. Но Майя Каримовна... Она понимаете, верит в успех. Три врача не верили, а она верит, — призналась одна из ее пациенток.

Я не люблю давать пациентам ложные надежды, но когда у этой женщины, которую в другой клинике отправили на ЭКО с донорскими ооцитами, под наблюдением Аскарбек начали созревать фолликулы, в любом случае восхитишься работой репродуктолога. С таким диагнозом это чудо. Исключение из правил. Промысел Всевышнего. А мы не Боги, мы просто проводники.

Когда Майя скрывается за шторами, я разочарованно смотрю на пустой балкон и сжимаю перила.

Она всегда знала как вывести меня из равновесия. И эта ее выходка напомнила многие другие.

Как в майке и таких же шортах, даже еще короче, расхаживала по квартире, когда я пытался сосредоточиться, перепроверяя документы для подачи на стажировку.

Сидел за столом на кухне съемной квартиры, а она заходила и взбиралась на столешницу, болтая голыми ногами и разглядывала меня.

— И все-таки смешение кровей дает прекрасные экземпляры, ты не находишь? — спросила она, вытаскивая из вазы с фруктами банан.

— Ты к чему? — поднял на нее глаза и посмотрел вверх

экрана. Рот мгновенно наполнился слюной, потому что она медленно начала его чистить.

— К тому что я - метиска, ты - метис. Ты привлекателен, я - чертовски привлекательна. Рассмеялся на это ее замечание, а она продолжила меня соблазнять, повернув голову и коснувшись губами кончика банана.

— Какая ты зараза, — все-таки бросил дела, подошел к ней и как замороженный смотрел, как красиво она ест. — Дерзкая, красивая, сладкая зараза. Крышу сносит от тебя.

Не выдержал. Подхватив под бедра, прижал к себе, заставил обвить себя ногами. Наши лица были примерно на одном уровне. Она больше не смеялась. Отложив банан в сторону, положила ладони на лицо и поцеловала.

Как я любил ее, как скучал во время стажировки, и как по своей тупости потерял.

На балкон она больше не вышла. Но я был рад такому стечению обстоятельств.

Хорошую квартиру мне сняли. Когда спросили, где бы мне хотелось жить, я вспомнил, что Майя говорила, как ей нравится Золотой квадрат и как бы она хотела там жить. Сама она выросла в микрорайоне, а я вообще из Павлодара. Никогда не был привязан ни к одному городу, не то, что Майя.

Восемь лет назад я очень ошибся и очень обидел ее. Движимый зародившейся ненавистью к ней, я все сделал в отместку. У меня напрочь отключился мозг, я думал лишь о том, чтобы сделать ей также больно, как и она мне. По край-

ней тогда я был уверен в ее предательстве. Идиот конченный.

А потом бар у клиники, тусовка врачей и медсестер. Один шот, второй, третий. И из бара я ушел с коллегой. С ней же и проснулся на следующее утро.

И Майя узнала об этом. И мне не было ее жаль. Я хотел ее наказать.

Вот только год назад случайно узнал, что не предавала. И все, что мне о ней говорили - одна сплошная ложь. А я ослепленный злостью козел, который поверил и отомстил.

Семь с половиной лет я жил с этим гневом внутри. Стоило мне где-то в медицинском журнале увидеть ее имя и фамилию, трясло. Я не отпустил, не закрыл ту страницу, или как говорят, гештальт. Строил отношения, даже пытался создать семью, но уже не с коллегой.

И вот неожиданная правда, рассказанная мне по пьяной лавочке. Правда, за которую я впервые поднял руку на лучшего друга. Один мой удар вырубил его и лишил пары передних зубов - настолько я взбесился.

Все эти годы я думал, что пока я работал в Америке, пчёлка Майя улетела на другой цветок - поярче и побогаче. Даже не проверил, купился на видео, которое мне прислали. Не подумал, не задумался, ничего не хотел о ней знать, потому что она сама предложила взять паузу. Считаю, расстаться.

А потом я увидел, как она обнимается и целуется с каким-то мужиком в баре. И я отомстил. Когда она позвонила

через неделю и увидела, что я не один, решил отыграться. Один: один. В моем воспаленном сознании она превратилась в предательницу, которую я ненавидел.

Та драка с лучшим другом не прошла для меня даром. Во-первых, открыла глаза на прошлое. Во-вторых, эта министерская крыса пообещала мне перекрыть кислород в столице. Вовремя на меня вышел Марк Эдуардович и предложил должность в Центре.

Это был знак свыше - возможность исправить ошибку, все рассказать Майе, объяснить, извиниться. Я знаю, мы просто бывшие и между нами давно нет ни любви, ни дружбы. Все эти годы мы умело друг друга игнорировали. Но теперь мне важно закрыть этот гештальт, важно ее прощение.

Я думал это будет просто. Но когда снова ее увидел, что-то теплое, давно забытое в груди шевельнулось. Она сидела на полу с закрытыми глазами, а я злился на тех, кто довел до такого. И, коснувшись ее лица, вдруг вспомнил то, что между нами было. А ведь это были чувства, которые мы не сберегли и которые безвозвратно потеряли.

Фантомная боль, учащенное сердцебиение, желание смотреть на нее украдкой взялись ниоткуда. Я же был уверен, что забыл ее, разлюбил давно. Но почему тогда она меня сейчас волнует?

Спустя восемь лет Майя вряд ли мне поверит и поймет. Но я постараюсь. Первым делом узнаю номер квартиры и отправлю ей цветы, она же любит розовые розы. А потом по-

прошу, чтобы выслушала. Или я ее заставлю.

Глава 6

Майя

Я ее заставляю работать. Ну давай, давай.

Стучу по боку кофемашины, чуть потягиваю ее, но она вообще не слушается. Да что ж такое? Работала же неделю назад. Мне нужен кофе. Срочно нужен кофеек!

— Не насилуй аппарат. Он еще с пятницы не работает.

Останавливаюсь, замираю, поворачиваю голову на голос. Арлан стоит в дверях, подперев плечом косяк. Солнечный свет, освещающий кухню падает и на него, а у меня в глазах помутнение. Высоченный, сильные, накачанные предплечья выглядывают из-под коротких рукавов синей медицинской формы. А еще эта его фирменная улыбка, которая меня и тогда, и сейчас выбивает из колен.

Зачем ты вернулся, волк? Ну зачем? Отвожу взгляд и беру в руки пачку пакетированного чая.

— Тогда выпью чай, — говорю не ему, а себе под нос.

Слышу его шаги за спиной, мы одни в комнате, и от этого я физически чувствую, как воздух сгущается, а дышать становится тяжелее. Сохраняя спокойствие, а точнее только де-

лая вид, вытаскиваю пакетик и только хочу положить пачку на стол, как его перехватывает Арлан, касаясь моих пальцев своими.

Кожу ударяет током. С научной точки зрения причиной этому может быть просто статическое электричество. На поверхности физического тела, которое плохо проводит электрический ток, накопился заряд. Он сохранился в течение определенного времени. Но из-за контакта с другим предметом или человеком происходит разряд.

Теперь вопрос, уважаемые знатоки, кто из нас находится под высоким напряжением?

Резко убираю руку и иду к кулеру, ставлю кружку под краник, нажимаю на красную кнопку. И вновь не дышу, и воздух уже трещит, и пальцы покалывает. Это кажется, во мне слишком много напряжения - шибанет так, что мало не покажется.

А этот бессмертный снова за моей спиной и я уже чувствую, что непозволительно близко. Он втягивает носом воздух в паре сантиметров от меня. От макушки до пят покрываюсь мурашками, потому что он и раньше любил так делать - вдыхать запах моих волос. Я шампунь сменила, теперь они пахнут не лавандой, а жасмином.

Ничего не говорит, просто стоит и втягивает аромат, согревает жаром своего тела, пока вода набирается.

— Если ты сейчас не отойдешь, я ошпарю тебя кипятком, — предупреждаю как ни в чем ни бывало. Ни грозно, ни

жестко. Просто констатирую факт.

А ему все равно. Кощей бессмертный.

— Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно.

— Цветы получила?

— Получила. Они очень эффектно украсили мусорку в нашем дворе. Ты не заметил?

На кухню хихикая и что-то обсуждая входят девочки - эмбриологи. Рано утром обычно все сюда приходят, чтобы оставить в холодильнике контейнеры с обедом.

— Ой, здравствуйте, Арлан Тимурович, — увидев главврача они тушуются, краснеют, но потом они видят меня. — Майя Каримовна.

— Привет-привет! — как ни в чем не бывало пропеваю.

— А вы уже вышли, да?

— Я уже вышла да, — отвечаю и делаю медленный глоток горячего чая.

— Хорошего дня!

Быстро оставляют пластмассовые коробочки и еле-еле пряча загадочные улыбки, покидают кухню.

— И вам хорошего дня, — кричу им в след.

Тоже шагаю к выходу, но Арлан берет меня за локоть и останавливает.

— Руки, — смотрю на его пальцы, сжимающие мою кожу, потом на него и цежу сквозь зубы. — Субординация, Арлан Тимурович. Иначе пойду в отдел кадров, обвиню вас в ха-

рассменте.

— Нам надо поговорить, — он не выпускает меня, упрямо сжимая пальцами кожу. — Спокойно. О том, что случилось 8 лет назад.

— А я не хочу. Не хочу и не буду.

— Хорошо. Дисциплинарное взыскание хочешь? — стиснув зубы, смотрит горящими глазами.

— Ты до такого не опустишься, — прищуриваюсь. Блефует или... нет?

— Хочешь проверить?

— Нет, — цежу я. — Но и говорить с тобой не буду. Потому что не о чем.

— Есть.

— Нет. Я восемь лет назад уже увидела, что хотела. Полуголого тебя и Йоко Оно. А теперь, Арлан Тимурович, пожалуйста, сделай милость, отвали нахрен.

В коридоре слышен голос Диаса - уролога-андролога, с которым мы часто пересекаемся на обеде. Он живет один, с бывшей женой давно в разводе, а обеды покупает в кулинарии рядом с клиникой.

Диас говорит по телефону и Арлан, понимая, что врач сейчас зайдет сюда, отпускает меня. Но он еще не знает самого главного: Диас, как сказала Лязза, ухаживает за мной, а я до сих пор не подпускаю его близко. Хотя он и прислал мне безумно красивый букет роз, пока я была на больничном.

— Май, привет! — убрав телефон в карман белого халата,

Диас искренне радуется встрече. В его руках пакет с контейнером. — Арлан Тимуровичем, здравствуйте.

— Здравствуйте, — строго говорит главврач. Только бы Диасу не досталось из-за меня.

— О, Диас, привет, — делаю шаг ему навстречу и жду, пока он положит пакет в холодильник.

Арлан отворачивается к кулеру и набирает воду в чашку. Я, наконец, вздыхаю спокойно.

— Еще раз спасибо за цветочки. От них аромат такой божественный на всю квартиру.

— Ты говорила, что любишь розовые розы. Рад, что угодил.

— Угодил - не то слово.

— Твою мать, — ругается главврач и мы с Диасом поворачиваем головы к кулеру. Арлан пролил на себя воду.

— Пойдем, нам как раз по пути, — зову с собой уролога, оставив главного одного.

Но я его совсем недооценила, потому что он пошел за нами.

Глава 7

Он пошел за нами, как надзиратель какой-то. Прямо по пятам. Еще, наверное, подслушивал. Хотя не услышать, что говорит уролог невозможно, потому что Диас говорит громко и четко. Он тоже на две головы выше меня, и мне приходится задирать голову, чтобы посмотреть на него.

— На прошлой неделе приходили Ермоловы с сыном, — рассказывает о пациентах, которых мы вели вместе, потому что там был мужской фактор, то есть бесплодие было не у нее, а у него. — Тебя искали, очень расстроились, что ты на больничном. Пришли ко мне.

— Серьезно? — с восхищением гляжу на него. — И как малыш? На кого похож?

— Представляешь, на папу! — смеется Диас. — Такой же белобрысый, голубоглазый и щекастый.

— Как здорово! Блин, как жаль, что меня не было. Я так рада за них. Люда верила, что у них получится. Помню, как она мужа подбадривала, когда у него руки совсем опустились. Вот это любовь, да? — чуть толкаю его в плечо, и коллега улыбается мне и кивает.

— Когда люди любят по-настоящему, они готовы на все пойти ради любимого человека, разве не так? — выворачивает он на скользкую тему.

— Разрешите, — быстрым шагом нас обходит злой серый волк. Его недовольство я за версту чую.

— Что это с новым главным? — спрашивает Диас, когда Арлан сворачивает в коридор.

— Кто его знает? — пожимаю плечами. — Может, никак не адаптируется к алматинскому климату. Северянин.

Через пару минут мы расходимся по кабинетам. Начинается новый рабочий день, пациентки идут одна за другой, но я кайфую. Наконец, занимаюсь любимым делом, а не валяюсь бесцельно на кровати.

— Здравствуйте, — на пороге появляется очень красивая, ухоженная женщина лет тридцати пяти. Платье по фигуре, шпильки, волосы до плеч, сумка люксового бренда - такую не заметить невозможно, такой только в глаза светить.

— Здравствуйте, проходите, пожалуйста, — приветливо улыбаюсь, приглашаю сесть.

— Мне вас порекомендовали, — сходу говорит она, — сестра моей ассистентки у вас лечилась.

Это всегда приятно слышать. Люблю, когда новички так говорят, это вдохновляет.

— Давайте я пока заполню вашу карту.

Открываю на компьютере новое окошко, куда вбиваю данные пациентки. Ее зовут Регина и ей сорок лет, хотя я реально не дала бы ей больше тридцати пяти. Может, даже меньше. Бизнесвумен, была дважды замужем, детей нет, но очень хочется родить уже для себя.

Пришла с готовыми анализами и результатами УЗИ. Все свежее, сделанное в другой клинике, но почему-то перешла к нам. Интересное кино.

— Я смотрю, что с эндометрием у вас все в порядке, — говорю, листая ее бумаги, — овариальный резерв, правда, снижен, но с этим можно работать. Давай осмотрю вас на кресле.

— Подождите, Майя... — останавливает меня ладонью и испытующе смотрит.

— Каримовна.

— Майя Каримовна, скажите, вы замужем?

Поднимаю на нее глаза и невольно дергаю бровями.

— Нет.

— А сколько вам лет?

— Тридцать шесть.

— Тридцать шесть, одинока и детей нет?

Откладываю ручку, документы и складываю пальцы в замок.

— Это имеет какое-то значение?

У меня сейчас такое впервые. Еще ни один пациент за все годы практики не задавал таких некорректных вопросов. Но никогда не говори никогда. Недавно в этом самом кабинете у меня две женщины из-за мужика подрались. Так что...

— Конечно, имеет, — фыркнула она и приосанилась. — Как вы можете меня понять и вести, если сами никогда не были беременны и не рожали?

Батюшки, что у просветленной дамочки с головушкой?

— Вроде пока никто не жаловался, — улыбаюсь широко, а в голове просто рэд флаги в ряд выстроились.

— Я не понимаю, почему мне попадаютсЯ одни нерожавшие? Для меня принципиально важно, чтобы доктор была полностью в теме, чтобы энергетически была наполнена материнством и чтобы была со мной на одной волне. Но мы с вами, — она жестикулирует ладонями, — не на одной волне. У меня и так ситуация не стабильная, нужен донор спермы, я должна быть уверена в своем враче, а с вами у меня нет контакта.

Так и хочется ей съязвить, но меня за это по головке не погладят, а она у меня и так только-только пришла в норму.

— Тогда вам нужен мужчина.

— В каком плане? — оскорбилась она. Думала, наверное, я сейчас затяну лекцию про недотрах и как следствие скверный характер. Но научного обоснования этому нет, поэтому не берусь судить.

— Мужчина - репродуктолог. Понимаете, мужчины по природе своей не могут забеременеть и родить. Боженька только нас одарил этой функцией, чтобы сделать нашу жизнь ярче и насыщенней, — толкую ей на серьезных щах. — Поэтому мужчина смотрит на всё сверху, он не включает эмоции, только холодный ум, — снова улыбаюсь, потому что несу дичь, которую Регина с серьезным видом слушает. — И у нас как раз есть превосходный доктор. Недавно к нам

приехал из столицы на должность главврача. Арлан Тимурович Смаилов. Очень высокий процент успешных ЭКО. Проходил стажировку в американской клинике.

Глаза бизнесвумен загораются и кажется, лихорадочно блестят.

— А он симпатичный?

— Эх, — театрально вздыхая я и лезу в телефон, чтобы погуглить его. Передаю ей смартфон, на котором светиться фотография Арлана с сайта медицинского журнала.

Регина молча передает мне телефон. По взгляду вижу, что у нее внизу все заработало как надо.

— Только к нему попасть сложно. Запись на пару месяцев вперед. Со всей страны к нему приезжают, — предупреждаю ее с сожалением.

— А я прорвусь. Я даже сегодня прорвусь. Или я не Регина Калиева!

— Не сомневаюсь, — одариваю ее очаровательной улыбкой и с облегчением выдыхаю, когда дверь за ней закрывается.

К концу приема моя медсестра принесла мне в “клювике” сплетню, о том, что Калиева устроила скандал на ресепшене с требованием записать ее на прием к Тимуровичу именно сегодня. Девочки растерялись, потому что не знали, куда ее впихнуть в плотный график главного. Дошло до того, что замминистра здравоохранения позвонил Фидлеру и попросил принять подругу четвероюродной сестры его жены. Ох

уж эти родственные связи!

Вот это я, конечно, дала наводку. Я же не знала, что она настолько неугомонная.

В четыре часа я отпускаю последнего пациента и сажусь за написание статьи в меджурнал, которую откладывала. В кабинет входит моя медсестричка Роза и говорит:

— Майя Каримовна, Арлан Тимурович вас вызывает. Суровый такой. Злой, кажется.

— Злой? — повторяю, изогнув бровь. — Ну ладно, схожу.

И иду я как на гильотину, потому что знаю: он предъявит мне за Калиеву и устроенный ею скандал. В это время в коридорах пусто, кто-то из врачей уже уехал, кто-то, как и я до победного торчит в кабинете. Тимурович - один из них.

Стучу в дверь слышу приглашение войти. Прикладываю электронный ключ к замку, нажимаю на ручку, открываю.

— Вызывали?

— Вызывал. Садись, — басит строго, смотрит исподлобья, руки на столе сцеплены в замок, злой, как черт.

Ну что, Красная Шапочка, доигралась? Сейчас тебя просто съест этот злой и страшный Серый Волк.

Глава 8

“Я злой и страшный Серый Волк. Я в поросятах знаю толк”.

В детстве папа растопылив ладони, скручивал пальцы и пугал нас с сестрой этой фразой из “Джентльменов удачи”. Мы визжали и убегали от него, как две испуганные свинки, а он догонял нас и щекотал.

Эх, знал бы папа, что его девочка попадет в лапы настоящего волка. Интересно, как это называется в психологии? Надо почитать.

Господи, и о чем я думаю, сидя напротив него? Так смотрит, будто я нашкодившая первоклашка, которую сейчас будут пороть. Ой, стоп. Про пороть это я зря, мы же с ним разное практиковали...

Ерзаю на стуле, потому что в голову очень некстати полезли разные воспоминания. Это все плохо для меня закончится.

— Волнуешься? — зло хмыкает он, склонив голову набок. Черт, рэд флаг, запрещенный прием. Верни голову назад.

— Нет. Вы вызвали, я пришла, сижу здесь минуту молча. Может, уже скажете, что вы хотите?

Правильно, Майя, лучшая защита - нападение.

— Хочу узнать, что ты наговорила Калиевой, что она поставила на уши всю клинику и Министерство здравоохранения? — голос становится ниже, немного грубее и у меня так приятно покалывает затылок от его тембра.

— Сказала, что ей нужен мужик, — как ни в чем ни бывало пожимаю плечами.

— Чего? — густые черные брови соединяются у переносицы. — Ты с ума сошла?

— Калиева сказала, что я ей не подхожу, как врач, потому что не замужем и у меня нет детей. Энергетически я не подхожу ей, как репродуктолог, потому что сама не испытала радости материнства.

— Бред, — морщится Арлан, берет в руки ручку и, откинувшись на спинку кресла нажимает несколько раз на наколечник.

— Я посоветовала ей сменить врача и идти к мужчине. То есть к вам, Арлан Тимурович. Это преступление?

— Это - нет. Только твоя Калиева не дружит с головой, — отбросив ручку на стол, он встает, обходит стол и встает за мной. Наклонившись, толкает кресло на колесиках к столу и кладет руки по обе стороны от него.

Волк загнал меня в западню, отрезав все пути к побегу. Я могу конечно резко податься назад и шибануть его, но я уже проштрафилась перед Фидлером, а нападение на главного врача и молодого светила он мне точно не простит.

— И скажи мне, пчёлка Майя, не ты ли вложила в ее светлую голову, что можно попросить меня стать донором спермы для ее будущего ребенка? — шепчет едва коснувшись носом кожи за ухом. Я вся покрываюсь мурашками, волосики у основания шеи встают дыбом от его шепота, пусть он и несет ересь.

— За деньги надеюсь? — повернув голову сталкиваюсь с ним взглядом. Он очень близко. Темно-карие глаза чернеют, черты лица заостряются.

— Ты издеваешься?

— Нет.

Волк смотрит на мои полураскрытые губы и я от греха подальше резко возвращаюсь в исходное положение.

— Я ничего такого ей не говорила. Это противоречит врачебной этике.

Неожиданно становится смешно. Хотела бы я посмотреть на лицо Смаилова, когда Регина озвучила свою просьбу. Смешинка попала мне в рот и меня начинает трясти. Закрываю лицо ладонями, потому что ну никак не получается остановиться.

— Что смешного? — цедит сквозь зубы главврач.

— Прости, просто... это очень смешно, — вытираю слезы в уголках глаз, но не могу успокоиться и задыхаясь, продолжаю. — Помнишь, мы обсуждали дело доктора Барвина, который 50 лет оплодотворял пациенток своей спермой?

— Это неудачный пример, — закипает.

— А как она себе это представляет? — чуть ли не зады-
хаюсь от смеха. — Чтобы ты в нашем кабинете с порнушкой
рукой поработал, или переспал с ней? Потому что она-то да-
ма видная. Я бы даже сказала секси. Хотя не в твоём вкусе,
конечно. Ты же любишь хрупкий японский фарфор, да?

И здесь я, кажется, перегнула палку, потому что Арлан
слишком резко поворачивает кресло к себе, берет меня за
локоть и поднимает.

Все, кина не будет. Электричество кончилось.

Прижав к твердой и горячей, как раскаленное железо, гру-
ди, главный врач вновь заглядывает в глаза и тяжело дышит.
Ноздри угрожающе раздуваются, челюсть сжата. Кажется,
одно неосторожное движение и что-то хрустнет. Мне уже не
до смеха.

— Я не пойму, это тактика такая? Ты меня вывести хо-
чешь?

— Какого ты высокого о себе мнения. Да сдался ты мне.
Субординацию соблюдай, а то правда заявлю о харрасменте.
Не переходи границы.

Хотя какие границы могут быть между бывшими любов-
никами, которые собирались пожениться, а потом все поле-
тело в пропасть?

— Я не перехожу, — пальцы впиваются в чувствительную
кожу. Неужели не боится оставить следы?

— Переходишь, — голос предательски дрогнул.

— Границу я перейду тогда, когда тебя поцелую, — угро-

жает, тяжелый взгляд вновь съезжает с глаз на губы.

— Никогда я тебе не дам...

Хочу сказать “себя поцеловать”, но слова просто тонут в бушующем море, потому что он все-таки целует меня, вкладывая в это слияние всю свою злость.

Это - поцелуй-наказание, поцелуй - откровение, поцелуй на стыке гнева и страсти.

Сердце беснуется, бьется в клетке как раненая птица.

Сначала я сопротивляюсь, колочу его по плечу, но сильная ладонь ложится на шею, скользит вверх и тонет в волосах. Пальцы зарываются в локоны, другая его рука обвивает талию, когда Арлан понимает, что я перестаю бороться и отвечаю.

Глава 9

Перестая бороться и отвечаю на этот украденный, вероломный, ядовито-сладкий поцелуй. Не должна, ведь я одинокая, маленькая, но очень гордая пчёлка. Однако то, как его твердые губы ласкают мои, как язык проскальзывает в рот и проходится по нёбу, как он сам впечатывает меня в себя, демонстрируя очень внушительную боевую готовность Калашникова. Я помню, как он стреляет. Оглушительно и наповал, так что встать потом не можешь.

Нет, Майя. Включай голову. Ты же маленькая, но правда очень гордая. И по боку, что твое тело пылает, а гипофиз отправил яичникам и матке приказ о начале операции. Кажется в штаб-квартире нижней части мозга уже большая бегущая строка пошла: “Сдаемся! У нас не было девять лет!”

Все в нашем организме взаимосвязано, поэтому живот так приятно потягивает. Мозг дает сигнал о возбуждении вниз и сосуды, расположенные в стенках влагалища, начинают потихоньку выделять секрет, то есть смазку.

Боже, ну хоть кто-нибудь остановите это безобразие! Я не могу сейчас сдаться из-за тридцати секундного поцелуя. Так низко я еще не падала.

Приходится брать ответственность на себя. Еще сохранившийся здравый смысл вступает в бой. Зарываюсь паль-

цами в его волосы, веду ими вниз, помня, как он балдеет от этих прикосновений. А потом в самый удачный момент сжимаю волосы и тяну их так сильно, будто хочу вырвать.

Он морщится, отступает и отстраняется. В глазах - гнев, желание, досада. Грудь бешено вздымается.

— С ума сошла? — смотрит волком.

— Скажи спасибо, что по яйцам не дала и не лишила тебя потомства, — показушно вытираю ладонью губы, которые все еще пульсируют и горят.

— Тебе же понравилось? — смотрит исподлобья, уголки губ дрожат. Дьявол во плоти.

— Тебе показалось, — презрительно усмехнувшись, скольжу глазами вниз и киваю на его эрекцию.

Считав мой говорящий взгляд, Арлан прикрывает достоинство креслом и сжимает пальцами спинку.

— Ты всё такая же безбашенная, пчёлка Майя. Но именно это меня и привлекло в тебе тогда.

Сталкиваемся взглядами, встаем в позы, скрещиваем шпаги перед схваткой.

— Ты же хочешь узнать что еще?

— Не хочу. Я ухожу.

Но я стою на месте и слушаю, как дурочка.

— Твоя любовь к профессии, страсть, целеустремленность, вера. Я восхищен твоей работой с Ахметовой.

Ахметова... Моя пациентка с крайне низким АМГ, у которой не созревали свои фолликулы, но она такая же упря-

мая, как я, и вместе мы совершили невозможное. Хотя я больше думаю, что это чудо.

— Не заговаривай мне зубы, — цежу я, скрестив руки перед собой. — Ты вызвал меня по поводу Калиевой. Мы выяснили, что я не при чем. На этом всё, я надеюсь?

Кресло, которое он удерживал летит в сторону двери. Пара широких шагов и он оказывается рядом и мне приходится выставить руки вперед. Он встает так, что мои ладони упираются в его грудь. Они горят и плавятся от соприкосновения с синей тканью, под которой так хорошо прощупываются мышцы.

“Сдаемся!” — бегущая строка в голове барахлит, буквы рассыпаются.

— Нет, не всё. Я хочу тебе кое-что рассказать. О том, почему тогда все так случилось.

Поднимаю на него глаза и хмурюсь. Зачем сейчас ворошить прошлое? Облажались оба. Вот только я не предавала. А предательство - преступление.

— О чем? О твоей измене и исчезновении?

— Начнем с твоего предложения расстаться.

— Ах так! — задыхаюсь. — Так вот, я не снимаю с себя ответственности, я сама предложила взять паузу. Но то, как поступил ты...

— Я помню, — нависает надо мной черной тучей.

Удерживать этого быка на расстоянии все сложнее и сложнее, он напирает.

— Я позвонила, чтобы извиниться за истерику, помириться, сказать, что люблю и буду ждать твоего возвращения. А вместо этого твой холодный, бесчувственный взгляд и погуголая Йоко Оно. И потом ты не перезвонил, исчез из моей жизни, — я говорю тихо, чтобы коллеги нас не услышали, но такое впечатление, что кричу. Еще немного и заплачу. — Никаких объяснений, извинений, никаких попыток связаться. Кто ты после этого, м? Пришел сюда и командуешь на моей территории. Поселился еще напротив.

— Это случайность.

— Хорошо спланированная случайность. Ты же знал, где я работаю? Значит, и где живу узнал.

— Это не узнавал. Мне в последний момент секретарша Фидлера сняла там квартиру.

— Врешь.

— Правда.

— Зачем ты вообще приехал? У тебя все было хорошо в столице. Карьера, должность, жена.

Да, я знаю, что он был женат. Этого не утаишь в нашей сфере, где тех, кто вырывается вперед под лупой разглядывают. Он женился пять лет назад. Это было для меня очередным ударом, но я справилась. Я хоть и маленькая, но очень сильная.

— Ты знала, что я был женат?

— Конечно, знала, — убираю ладони и опускаю руки. Силы как-то разом покинули меня и напряженное тело обмяк-

ло. — И поэтому я не понимаю, зачем ты здесь?

— Я хочу, — он вдруг замолкает, смотрит в окно, потом снова на меня, — я хочу, чтобы ты меня простила за прошлое.

— Простила. Всё?

— Нет. Ты не простила, — эта стальная туча слишком низко, а его губы непозволительно близко. Оттолкнуть бы, да сил нет.

— Какая теперь разница? Лично я знаю, что я тебя любила и никогда не предавала.

— Я теперь это тоже знаю.

Всматриваюсь в его темно-карие глаза и считываю в них то, чего прежде не видела. Он смотрит виновато. Впервые смотрит виновато и до меня, наконец, все доходит. Дважды два четыре, простая арифметика. Я открываю рот, но слова выходят с трудом.

— Ты все это время думал, что я первая? Ты думал, что это я тебя предала? — хрипло восклицаю я.

Но узнать ответ не получается, потому что кто-то очень настойчиво стучит в дверь.

Глава 10

— В дверь стучат. Открой, — ровно и безучастно говорю я, пытаюсь унять сердце.

— Да, — Арлан кивает и отходит на меня.

Я приглаживаю слегка растрепанные волосы, чтобы никто ничего не подумал. Интересно, о чем он думал, когда соглашался на предложение нашего шефа? Я не смогу с ним работать, мы же убьем друг друга.

— Что у вас? — Арлан включает начальника, а я, повернув голову в сторону двери, вижу на пороге двух женщин. Одна - взрослая, полноватая, смуглая, другая - совсем молоденькая, белокожая и покрытая. Платок скрывает ее волосы и шею, платье в пол с длинными рукавами - тело. Верующая. И почему-то мне показалось, что она выглядит забитой.

— Нас записали к вам на 16.00. Сказали, вы быстро можете посмотреть ее.

Ее. Как-то прозвучало это резковато. Эта женщина точно не мать девушки.

— Ну быстро не получится. Проходите, — отвечает Арлан.

— К вам так тяжело попасть, но мне удалось. Дочка моей подруги у вас еще в Астане лечилась.

— Арлан Тимурович, я пойду, — ставлю его в известность

по-деловому.

— Идите, — он даже на меня не смотрит.

Когда я дохожу до двери, то вновь слышу его голос и останавливаюсь.

— Девушка, что-то не так? Почему вы плачете?

Оборачиваюсь и вижу, как пациентка, спрятав лицо в ладонях вся трясется. Женщина на родном языке говорит ей: “Что ты реवेशь, дурная? Я тебе лучшего врача нашла. Мне что есть время возится с тобой, раз ты сама ни рыба ни мясо, Айша?”

Поднимаю глаза, сталкиваюсь взглядом с хмурым Арланом. Меня трясет, когда с молодыми девушками так разговаривают. Очевидно, это ее свекровь.

Задерживаюсь. Хочу ринуться в бой, но Арлан качает головой, останавливая меня.

— Я не могу, — обессиленно признается Айша. — Я не знала, что вы мужчина. Нам нельзя, чтобы до нас дотрагивался мужчина. Это хаарам.

— Говорила я сыну, что ты с придурью.

— Покиньте кабинет, — жестко говорит взрослой женщине главврач.

— Что? — на весь кабинет раздается срывающийся фальцет.

— Вы - пациент?

— Я - мама ее мужа.

— Поэтому выйдете из кабинета. Я работаю только с па-

циенткой.

Скрещиваю руки на груди с довольным видом. Зачем я осталась, сама не пойму, но я рада, что Арлан встал на сторону девушки, которая уже вовсю заливается слезами.

— Я в коридоре подожду тебя, — бросив взгляд на бедняжку, цедит сквозь зубы взрослая женщина и проходит мимо меня. Мою маленькую тушку спасает только медформа и белый халат.

— Рассказывайте, — немного устало просит Тимурович, а я подхожу ближе, чтобы послушать. Да, я любопытная Варвара, но и начальник вроде не выгоняет.

— Я не хочу, чтобы вы меня смотрели. Чужие мужчины не должны прикасаться к нам.

— Это я уже слышал. Но вы же понимаете, что я доктор?

— Я думала, енешка записала меня к женщине.

Арлан тяжело вздыхает и потирает лоб.

— Майя Каримовна вас посмотрит, — взглянув на меня, он коротко улыбается, отчего я чувствую малюсенькое покалывание под ребрами. — Но я буду присутствовать. А сейчас расскажите, что случилось.

Он протягивает ей коробку с салфетками и она, взяв одну, протирает влажные глаза.

— Понимаете, мы с мужем вместе всего год, но детей у нас нет. Живем с его родителями и енешка постоянно спрашивает, когда я забеременею. Мой муж - младший сын и единственный мальчик. Они хотят продолжения рода.

Они хотят! Держите меня семеро!

— У меня не получается. Хотя я пью лекарства.

— Какое? — спрашиваем одновременно.

— Ф.

— Так, а зачем вы его пьете? — сведя брови к переносице, спрашивает Арлан. Я как-то тоже зависаю, потому что из Айши все клешнями надо вытягивать.

— Понимаете, — снова всхлипывает она и повернув голову, смотрит на меня. — У меня долго не приходили месячные. Когда их не было в 15, моя мама повела меня к врачу. Там сказали, что у меня недоразвитые органы и прописали лекарства, чтобы вызвать... менструацию.

— Теперь понятно. Аменорея?

Айша кивает. Аменорея - это расстройство менструального цикла, при котором у женщин нет месячных в течение 6 месяцев или более.

— Гинеколог сказала, что как только я выйду замуж, то у меня начнут вырабатываться гормоны и все придет в норму.

Мне хочется материться. Судя по выражению лица Арлана, ему тоже. Мы уже приблизительно думаем в одном направлении и я молю Всевышнего, чтобы у этой девочки было хотя бы чуть-чуть своих яйцеклеток.

— Гинеколог сказала сдать кровь на гормоны. Я вот, — девушка полезла в сумку и достала сложенный пополам лист А4. По нему сначала пробежался Арлан, а потом и я. Да, крайне низкие показатели АМГ и ФСГ.

Нам приходится снова с ней договариваться, чтобы она позволила себя посмотреть в присутствии мужчины. В итоге, объяснив, что Аллах не будет против, я начинаю осмотр, а главврач встает у изголовья кресла. Накрываю нижнюю часть тела одноразовой пеленкой, чтобы она меньше смущалась.

Провожу трансвагинальное УЗИ органов малого таза. Пациента слегка морщится, а потом поворачивает голову и смотрит в одну точку на стене. То, что я вижу, мне уже знакомо.

— Арлан Тимурович, посмотрите, — подзываю к себе бывшего и показываю указательным пальцем свободной руки на монитор.

Он встает за моей спиной и наклоняется, чтобы посмотреть в экран. Волоски на затылке шевелятся от такой внезапной близости. Кажется, он сделал это специально, ведь мог просто встать рядом и все разглядеть. Облизываю пересохшие губы и хорошо, что он этого не видит.

— Гипоплазия.

Стучу пальцами по клавишам аппарата.

— 25x20x28 мм.

В норме в этом возрасте она должна быть 7 сантиметров у нерожавшей женщины.

— На схеме можно увеличить и нарастить эндометрий. Посмотри яичники.

— А что случилось? — обеспокоенно подает голос Айша.

— Мы сейчас все вам расскажем, — улыбается ей Арлан.

— Левый яичник маленький. Но правый не лоцируется, — начинаю нервничать, потому что очень не люблю, когда такое происходит. Веду датчиком и так и эдак, но он по-прежнему не появляется на экране.

— Попробуй вниз, — предлагает Тимурович и снова склоняется надо мной, обдавая кожу теплым дыханием. — Вот так, еще теперь вправо. Вот, что - то есть.

Арлан протягивает руку и касается пальцами клави. На экране замирает картинка.

— Он?

— Он!

Вижу, но ситуация не лучше. И как теперь сказать бедной, ранимой, зашуганной девушке, что у нее мало того, что детская матка (гипоплазия), так еще и гипофункция яичников и они не в состоянии выработать достаточное количество гормонов для менструации и овуляции. Если ее свекровь узнает об этом, она ее просто сожрет.

Глава 11

Ее сожрут и не подавятся.

В былые времена у Айши был бы только один выход - усыновление. Учитывая ее ситуацию в семье, я представляю, как бы ее гнобили и морально угнетали. Но сейчас есть варианты. И пока я глажу плачущую навзрыд девушку, объясняю ей, что мы можем сделать.

— Вы обязательно станете мамочкой. В вашем возрасте все исправляется гораздо легче. Главное - пройти курс лечения, матку мы вам доведем до нужного размера, сможете выносить и родить, — успокаиваю ее и смотрю на Арлана, который в этот момент молчаливо и задумчиво глядит на меня.

— А забеременеть я смогу? — сквозь слезы спрашивает девушка.

— Надо очень постараться. Все рекомендации, которые Арлан Тимурович вам написал, выполнять, на УЗИ ходить каждый месяц, смотреть динамику. Скажу вам честно, у вас маленький овариальный резерв, но бывают случаи, когда даже при таком АМГ мы получаем одну, две даже три яйцеклетки и потом оплодотворяем.

— А если не получится?

— Тогда вы можете попробовать донорские яйцеклетки. Айша смотрит на меня в упор. Сейчас опять расплачется.

Да, это больно, но это жизнь.

— Как это?

— Пациент с врачом подбирает женщину, у которой берут яйцеклетки, оплодотворяют их и переносят в матку будущей мамочки. Либо можно воспользоваться нашей базой данных. У нас уже есть замороженные донорские ооциты.

— Мой муж никогда не пойдет на это. Енешка и так меня не любит, а еще это... Что мне делать?

И вновь мы сталкиваемся взглядами с Арланом. Если бы я знала, что делать.

— Айша, вы можете начать лечение уже сейчас, пока не поздно, — твердо говорит Арлан. Сейчас он не включает эмоции в отличие от меня. — Майя Каримовна права. Обдумайте все и помните, это ваше тело и никто не имеет право указывать вам, что делать. Тем более, гнобить за то, в чем вы не виноваты.

— А я не виновата? — переспрашивает она, задыхаясь.

— Конечно, нет, — говорим одновременно и невольно смотрим друг на друга. Ох уж мне эти гляделки. Так хочется выколоть ему бесстыжие глаза, но говорит он то, что надо.

— Перестаньте себя винить, — снова серьезно произносит Арлан. — Так случилось, что в организме произошел сбой и здесь никто не виноват. И если взрослые люди этого не понимают и не поймут, то это проблема этих людей, не ваша.

— Арлан Тимурович прав, — киваю и ловлю ее растерян-

ный взор. — Айша, послушайте. Вам надо начать лечение. Вам всего двадцать три, это прекрасный возраст. Я советую вам остаться у доктора Смаилова и продолжить с ним. У него большой опыт.

— Но это харам, — прижимает дрожащие пальцы к губам.

— Это не харам, когда дело касается здоровья, — возражаю я. — Представьте, если бы вам мог сделать операцию только один человек и он был бы мужчиной? Что бы вы сделали?

Молча кусает губы, опускает голову и смотрит на свои пальцы, сжатые в кулаки.

— Я не знаю, — растерянно мотает головой.

— Если вы боитесь, то можете идти к Майе Каримовне. Она прекрасный специалист, — услышав эти слова, поднимаю на него глаза. Арлан как будто это предвидел и вновь поймал мой взгляд. В нем, кроме уверенности было еще что-то странное. То, что мне не понравилось.

С горем пополам, мы все-таки немного промыли мозги бедной девушке, после чего я заставила ее умыться и не показывать слез свекрови. Когда за ней закрылась дверь кабинета, я тоже встала со стула, но Арлан бросил решительно:

— Подожди.

Поднявшись, он обогнул стол и оказался рядом. Смотрел несколько мгновений сверху вниз, и мне пришлось отвести взгляд.

— Я у вас задержалась, Арлан Тимурович.

— Поговори со мной. Назначь встречу, где тебе удобно. Прошу.

— Нет, я не хочу ничего знать. Я живу настоящим и тебе советую, — приходится все-таки заглянуть в эти карие, когда-то любимые очи. Пусть видит, какая сильная перед ним маленькая пчёлка.

— Мне важно, чтобы ты знала.

— Нет, — повторяю с нажимом и все-таки иду к двери. Не обернувшись, открываю ее и выхожу в коридор. Айши и ее свекрови уже нет. По дороге к себе встречаю парочку коллег, улыбаюсь им приветливо, а в душе ураган уже подмял под себя все.

В шесть вечера начинается дождь, хотя по прогнозу должно было быть солнечно. Люблю непредсказуемую алматинскую погоду, но не сегодня, когда я забыла зонт. Ничего, закажу такси, подъедет прямо к крыльцу, не успею намокнуть. Открыв приложение, присвистываю, потому что цены поднялись вдвое. Да ну вас, за такие бабки я два месяца буду на автобусе кататься. Лучше подожду, пока закончится ливень, заодно над статьей поработаю.

Мои мысли прерывает стук в дверь. Разрешаю войти и приятно удивляюсь, когда вижу на пороге Диаса.

— Май, привет! Видела, какой дождь идет?

— Ага, — улыбаюсь. — А еще я видела цены на такси и чуть инфаркт не получила.

— Да так всегда. Кстати, я поэтому и зашел. Давай я тебя довезу до дома.

— Но тебе разве не в другую сторону?

— Ну я же на машине. И знаешь, я тут подумал, — замялся он и потер лоб ладонью, — может, посидим в кафе, поболтаем?

Не сразу понимаю, что слишком долго для такой ситуации молчу.

— Май? — зовет меня уролог-андролог.

— А да, — отмираю. — Давай сходим. В такую погоду самое то в кафешке с чашкой кофе посидеть.

— Отлично. И у меня есть зонт.

— Так с этого и надо было начинать, — улыбаюсь и встаю из-за стола. — Давай через пять минут в холле.

Переодевшись в летнее платье чуть выше колена и босоножки, я распускаю волосы, расчесываю их и пальцами укладываю так, чтобы красиво лежали. Подкрашиваю губы помадой, улыбаюсь своему отражению. Да, я буду улыбаться вопреки той боли, которая все еще со мной после поцелуя Арлана. А вдруг, этот дождливый вечер преподнесет сюрприз, и я посмотрю на коллегу другими глазами? А вдруг?

Через пять минут Диаса в холле не оказалось. На ресепшене осталась только одна девушка, с которой мы перекидываемся парой фраз. Рассказывая мне о предстоящей свадьбе, она поворачивает голову к лестнице и говорит:

— Арлан Тимурович, только что курьер передал вам по-

сылку. Я приняла, как вы просили.

— Спасибо, Марьям.

Он встает рядом со мной, но не касается моего плеча и ничем не выдает наше прошлое. Он - прост босс, я - просто подчиненная.

Марьям передает ему желтый конверт с логотипом “DHL”, а я терпеливо жду, когда он еще раз поблагодарит ее и уйдет.

— А вы, Майя Каримовна, переживаете дождь? — внезапно спрашивает меня, убирая посылку под мышку. Наш регистратор в этот момент принимает звонок и объясняет человеку на другом проводе, когда можно записать на УЗИ.

— Нет, я просто жду.

— Чего?

— Кого.

Ну что, может вспомним и другие падежи?

— У вас нет зонта? Могу довести до дома, чтобы вы не промокли и не заболели.

— Спасибо, не стоит, — нахожу опору в сумке, ремешок которой беспощадно сжимаю. — Я не домой.

Изогнув бровь, разглядывает меня пару секунд, а за его спиной в этот момент раздается:

— Май, прости задержался. Поехали?

Поравнявшись с главврачом, Диас кивает ему, называя по имени-отчеству. Я же вижу, что Тимурович становится чернее тучи. Считаваю его настроение, негодование, ревность.

Только бы Диасу ничего не сделал.

— Да, пойдём.

Оказавшись на улице под козырьком, я жду пока мой коллега откроет зонт. Чувствую, что несмотря на прохладу, между лопаток беспощадно печет. Жар медленно распространяется по всему телу, потому что вслед за нами вышел Арлан. И когда Диас берет меня под руку, чтобы укрыть от ливня своим зонтом, я знаю: мой бывший смотрит на нас.

Глава 12

Передо мной сидит хороший, высокий, привлекательный мужчина. С ним легко, интересно, уютно. Мы перескакиваем с темы на тему, обсуждаем случаи из практики, вкусно ужинаем, пока за окном сгущается тьма и зажигаются фонари. Дождь уже закончился, но никто из нас не спешит.

Диас - одинок. В разводе, есть сын - школьник. Я... да и так понятно. И при всех этих прекрасных вводных данных, я не чувствую к Диасу ничего кроме уважения и симпатии, как к коллеге. То же самое уже из года в год происходит, когда я вроде бы хожу на свидания, но ничего не ощущаю при этом. Ни радости предвкушения, ни трепета, ни порхающих бабочек в животе.

Все это у меня уже было однажды, десять лет назад. Порознь мы провели больше времени, чем вместе, но даже так первая любовь оказалась слишком сильной и запоминающейся. Я знаю, что пора двигаться дальше. Он же смог. Так почему я до сих пор торможу? Уверена, в психологии есть какой-нибудь синдром на этот счет. Надо почитать.

— Майя, Майя.

— А, прости. Ты что-то сказал?

Встряхнув головой, почти виновато смотрю на Диаса, потому что не услышала его последних слов - засмотрелась на

пейзаж за окном.

— Я спросил, какие у тебя планы на выходные?

— На выходных я обычно езжу к родителям и так, по мелочам.

— Ты бы не хотела еще раз встретиться? — он серьезен в своих намерениях, но все смягчает легкая улыбка.

Я же не стерва последняя, чтобы пользоваться хорошим человеком, чтобы забыть плохого. Поэтому, набрав в легкие побольше кислорода, отвечаю:

— Диас, прости, но давай будем просто друзьями?

Он пару секунд молчит, после чего тихо смеясь, опускает голову.

— Эх, давно не слышал эту фразу. “Давай останемся друзьями”. Ножом по сердцу.

— Прости, пожалуйста, — мне правда жаль, и в моем взгляде он это увидел. По крайней мере, я надеюсь. — Понимаешь, много лет назад я влюбилась в коллегу и ничем хорошим, как видишь это не закончилось. Поэтому служебные романы - не для меня.

— Он тебя обидел?

— Скажем так, наши чувства не прошли проверку временем и расстоянием. Что-то сломалось безвозвратно и мы расстались.

— А я развелся, потому что мы не сошлись характерами, — хмыкает Диас. — Спасибо за правду, Майя. Уважаю в женщинах честность.

В его последних словах проскользнула боль и разочарование, хотя вроде бы похвалил. А может, он просто перенес на нынешнюю ситуацию что-то из прошлого. Но как бы то ни было, я благодарна ему за адекватность.

— И на работе мы же останемся друзьями? — улыбнулась я.

— Конечно. А как же? И обедать продолжим вместе.

— Давай. И не будет между нами неловкости?

— Нет. Обещаю.

— Круто. По рукам, — протягиваю ему ладонь и он ее пожимает. Так и хочется сказать ему, что если он ищет любовь, то я от души ему ее желаю. Что такое тридцать шесть для мужчины сейчас, когда многие только к сорока женятся?

Пока мы сидели в кафе, пробки рассосались, поэтому до моего дома доехали за пятнадцать минут. Вдоль моей улицы не припарковаться, потому что это уже сделали многочисленные жильцы. Прошу его высадить меня раньше - очень хочется прогуляться по району и вдохнуть запах свежести после дождя.

Мы прощаемся как друзья и коллеги, весело, со своими старыми приколами и благодарим друг друга за прекрасный вечер.

При свете фонарей темный асфальт блестит после ливня, ветер слабо колышет мокрую листву, в городе так сладко пахнет летом и цветами. Я люблю эти трех и четырехэтажные домики, уютные дворики и кафешки с летками. Это место

уже на протяжении трех лет - моя тихая гавань. И появление Арлана в доме напротив мне ужасно не нравится, потому что он обложил меня со всех сторон.

— Майя! — раздается голос Арлана за спиной.

Останавливаюсь, но не оборачиваюсь. Боженька, я же была хорошей девочкой. Почему ты меня наказываешь?

— Май, — обойдя меня, Арлан встает передо мной и пристально смотрит.

Я тоже стою, но молчу, потому что не знаю, что ему еще сказать. И так много сказано слов. Со стороны мы, наверное, смотримся смешно. Мужчина под два метра и я - “Кыш и Двапортфеля”. И этот чертыка невыносимо хорош собой, что в белом халате, что в джинсах и черной футболке.

— Ты язык проглотила? — хмурится он.

— Нет. Вот он, — высунула его, поморщившись и дразня, а потом развернулась и пошла в сторону дома.

Он двинулся следом, как сумасшедший сталкер.

— Оставь меня в покое, — бросаю, обернувшись через плечо.

— Я тоже там живу, — усмехается он.

— Черт, точно. Ты следишь за мной?

— Нет, я ходил в местную донерную. Готовить одному не хочется, — говорит так, будто мне интересно и я его пожелаю

— “К Акифу” ходил? — снова на ходу оборачиваюсь.

— Да. А что?

— Ничего. “Регидрон” тебе в помощь.

— Чего? — он в шоке. А я почему-то прекрасно помню, что из всех недугов больше всего он боится отравления и диареи.

— Ничего-ничего. Хорошие донеры, говорю.

Его мрачный и тяжелый вдох тонет в раскатах грома. Останавливаюсь и смотрю на черное небо, где в этот самый момент сверкает молния. Картина настолько завораживающая, что я не замечая, как он встает рядом. С неба на лоб падают первые капли дождя. С каждой секундой он усиливается и мы одновременно срываемся и бежим в укрытие. Новый, не менее сильный ливень накрывает город, и когда мы, наконец, прячемся под высокими сводами арки, то оказываемся за непроглядной стеной дождя. Вдвоем. Один на один. Интересно, так и будем молчать или поговорим?

Глава 13

— Так и будем молчать или поговорим? — спросил Арлан, когда поймал мой уставший взгляд. Мы стояли по разные стороны арки и оба прижимались спинами к кирпичным стенам. Когда-то близкие, теперь далекие.

— Я все-таки выбираю помолчать.

— А я хочу поговорить.

Как назло никто кроме нас так и не забежал сюда, поэтому наше странное, внезапное уединение некому было нарушить. Ливень не прекращался, сами мы немного намокли, но не критично.

Я ничего не ответила лишь повернула голову и смотрела вдаль, где мерцал свет в окнах. Хотелось домой, в свою уютную, теплую квартирку.

— Я приехал не только потому что Марк Эдуардович вышел на меня и предложил работу. Мы с ним на конференции в Сеуле встретились, разговорились. Он спросил, не хотел бы я переехать в Алматы. А я тогда как раз думал, как бы вырваться сюда, чтобы встретиться с тобой.

— Зачем?

— Чтобы извиниться, — он сначала опускает голову, а по-

том поднимает на меня глаза и смотрит долго, внимательно, странно до легких коликов в животе. — Я поступил ужасно. Я повел себя ужасно и мне нет оправдания, но в моменте, восемь лет назад, я так не думал. Я хотел тебе отомстить. Иди от одним словом.

— Перепихон с Йоко Оно был ради мести? — голос срыгается.

— В основном по пьяни, но да. Когда ты предложила взять паузу, я разозлился, я не понимал тебя. Для мне это было сродни расставанию. Но я не стал спорить и принял твоё решение, во мне что-то сломалось. Я анализировал твои слова, причинно-следственные связи и не понимал, где и когда мы свернули не туда.

Возвращаться в прошлое тяжело, но с каждым новым его словом меня все сильнее отбрасывает назад.

— Я чувствовала, что ты отдаляешься. Временами просто не могла до тебя дозвониться, временами ты не отвечал на звонки. Ты говорил, что готовишься к экзаменам на американскую лицензию, что у тебя много работы и ещё эта разница во времени: когда у меня утро, у тебя ночь. Я видела, как ты отдаляешься, как вырываешься вперед, а я плетусь в хвосте.

— Это неправда, — качает он головой. — Ты всегда была умницей.

— Тогда - нет. Тогда папа попал в больницу с приступом - камни в почках. Он просто загибался от боли. Я перепуга-

лась, но должна была быть сильной, хладнокровной, потому что мама с сестрой - они такие паникерши, тут же в слезы. А я сохраняла спокойствие и все разруливала. Подключила все свои связи. Ты же знаешь, у нас без связей никуда.

— Почему я впервые слышу про отца? — хмурится, негодует. — Почему ты не позвонила?

— Я звонила. Несколько раз. Ты не отвечал. А когда сам перезвонил, мне было уже все равно, знаешь ты или нет, поддержишь меня, или нет. Абсолютно все равно. Я все свои страхи выплакала. После разозлилась. Ты же знал меня тогда, я часто рубила с плеча, а потом остывала. Я и сейчас иногда так делаю, — пожимаю плечами. Удивительно, но рассказывая свою правду, меня постепенно отпускает, будто все обиды камушек за камушком падают вниз с огромной пирамиды, которую я сама возвела внутри себя.

— И ты предложила взять паузу на эмоциях?

— Да. Я хотела разобраться, осталась ли у меня любовь к тебе, а у тебя - ко мне. Потом поняла, что все-таки люблю тебя и очень скучаю, позвонила, но наткнулась на Йоко Оно.

— Это была случайная связь. Я был пьян.

— Какая теперь разница?

Хмыкает, уголок губы тянется вверх в вымученной улыбке, но глаза выдают растерянность

— Просто почему так быстро? — спрашиваю в лоб. — В чем причина?

Тишина. Оглушающая, натянутая, давящая. Он обдумы-

вает ответ, а я подгоняю его взглядом, потому что раз мы открываем все карты и обнажаем души, то до конца.

— Когда мы расстались, мне позвонил Куат, — от этого имени я морщусь и Арлан это замечает. Его лучший друг - самый мерзкий мужчина, которого я встречала. — Он спросил, как у нас с тобой дела и почему ты встречаешься с другим, пока я в Америке.

— Встречаюсь с другим? — моргаю. — Я ни с кем не встречалась.

— Я это теперь знаю. А тогда он прислал мне видео, где ты в клубе целуешься с мужчиной, он обнимал тебя, твои руки лежали на его руках, его - на твоей попе. И сомнений, что это была ты не было. Твое лицо, твои волосы, рост, фигура. Короткое видео, Куат сказал, что снимал украдкой, пока кто-то не толкнул его и запись не оборвалась. Ты ушла с тем мужиком из бара. Куат так сказал.

Закрываю глаза и делаю глубокий вдох-выдох, вдох-выдох. Рассказываю про тот далекий вечер, ставший в итоге роковым. Девичник подружки Эльвиры, VIP-кабинка в клубе, танцы и коктейли - ядерные развлечения, которые закончились плохо. Случайная встреча с Куатом у туалетов. И надо же ему было оказаться именно в тот вечер в том же баре. Он зажал меня у стены и предложил, раз уж мой мужик за границей, а я пьяненькая, дать ему. И я ему тогда дала... только по роже, а он назвал меня сучкой и сказал, что пожалею.

Роковое стечение обстоятельств. Я заливала боль коктейлями. Дурная. Потом мы танцевали. Я просто улетела и не заметила мужчину рядом. Очнулась, когда он положил руки на талию. Обернулась, а он меня в охапку взял и поцеловал по-взрослому. Я сначала растерялась, алкоголь ударил в голову, а потом толкнула его и убежала.

— Я видел этот поцелуй. До твоего побега, — оттолкнувшись от стены, он шагает ко мне, а наоборот стою, не шелохнувшись.

— Твой друг следил за мной, скорее всего подставил, а ты поверил ему, а не мне? Не позвонил, не спросил, не орал? Ты же мог! — гнев бушует в сердце и я бью кулаками по его груди, а он даже не шелохнулся.

— Мог. Я знаю. Тогда я разозлился, взбесился. И я не оправдываю себя, — закричал он в ответ. — Я послушал его, а не тебя. Идиот.

— Ты послушал своего мерзкого, дерьмового друга, который меня зажал в том баре и предложил быстренько трахнуться! Козел ты, Смаилов, — отталкиваю его и отхожу, встав к нему спиной и обняв себя за руки. Трясет, знобит, зуб на зуб не попадает. — Я никогда тебя не предавала. Я любила тебя. А мое предложение... это всё срыв, страхи, неуверенность в завтрашнем дне. Но я ни с кем не спала ни тогда, ни после нашего расставания. Я ни с кем не спала все эти годы, потому что не могла делать это без любви.

Говорю все это в глухую стену, перекрикивая дождь и ве-

тер.

— Прости меня! — Арлан встает сзади и обнимает меня руками. Брыкаюсь, хочу смахнуть их, но не получается, потому что он сильнее в два раза. Мой бывший любимый удерживает меня, пока я плачу и твердит, как ему жаль, какой он идиот, козел, мудака, что поверил своему другу, а не мне.

— Почему ты меня не спросил? Почему не позвонил, не наорал? Я бы все объяснила, я бы могла. Мои подруги там были, они бы подтвердили черт возьми.

— Злость! Понимаешь, злость, гордость, уязвленное самолюбие. Виновен. Полгода назад Куат напился и рассказал правду. И я избил его. Выбил зубы даже.

— Я не предавала, я ни с кем не спала. А ты сразу прыгнул в койку своей японке. Я все так хорошо помню. Твой жестокий взгляд, твой голос и твои слова: “Зачем звонишь, Майя?” А потом ты вернулся в страну и вскоре женился. И я тогда снова в душе умерла, потому что ты не искал со мной встречи, мы не поговорили, не объяснялись. Но ты однако женился.

Говорю без остановки я, хотя это он все начал, он расковырял старые раны и они вновь закровоточили.

И все-таки он ослабляет хватку, а, воспользовавшись, поворачиваюсь к нему и смотрю ему в глаза:

— Ты женился по любви? Скажи честно.

Молчит, но дышит тяжело и смотрит с такой болью, что мне хочется его ударить. К чему теперь эти взгляды? Они ничего

не значат.

— Я женился, потому что с ней было просто и понятно. Мне казалось, я поступаю правильно, потому что пора, потому что рядом была хорошая девушка. Она не врач, она далека от медицины, между нами не было соревнования, мы устраивали друг друга по всем параметрам. Первые два года.

— А потом перестали устраивать?

— Это уже неважно. Мы развелись.

— У вас есть дети?

Не знаю почему, но мне важно знать.

— Нет. Детей у нас не случилось.

Не вижу в его глазах и не слышу в голосе сожаления. Хотя он хотел детей, мы когда-то об этом говорили.

Этот так некстати начавшийся дождь и мы вдвоем, пережидающие его под аркой. Все его слова ударили посильнее жестких капель. Потом мне нужно будет время, чтобы переварить их и разложить по полочкам.

Как же все нелепо вышло. Никто из нас не боролся. Каждый встал в позу и уперся рогом. Но самое обидное, что он поверил другим и не спросил меня. Значит, не было между нами ни любви, ни доверия. Была только всепоглощающая страсть, на которой мы держались, как на невидимой леске. Балансировали как канатоходцы под куполом цирка, а потом сорвались.

И сейчас я тяжело дышу, смотрю на него, некогда самого дорого человека, и понимаю, что невероятно зла. В мое

сердце только в последние годы вернулся свет, а сейчас там снова непроглядная тьма.

— Знаешь, как я узнала о твоей женитьбе? Мне эмбриолог Бота рассказала. Помнишь, с нами работала? А ей подруга из твоей прежней клиники разболтала. Я тогда впервые за годы зашла в твой инстаграм и нашла тебя в отмеченных фотках. Я видела твою жену в белом платье и тебя рядом с ней. Вы очень красиво смотрелись вместе, — сама не замечаю, что влага на моих щеках вовсе не от дождя, а от слез.

— Май, ну не надо, — его хриплый голос странно срыгается. При свете дальнего дворового фонаря вижу, как с волос падают капли. В прежние времена, я бы их пальцами зачесала назад.

— Просто скажи, а ты меня хоть раз за те годы вспоминал? Хоть на секунду? Когда ее целовал, обнимал, ласкал, ты вспоминал меня? Пусть мимолетно, пусть просто, как призрак из прошлого? А она любила тебя достаточно сильно, больше, чем я? Потому что я не переставала тебя любить... даже когда ты женился на другой.

— Я думал тогда, что любви между нами не осталось, что между нами была сильная страсть, но той любви не хватило и мы спасовали перед трудностями.

Это правда, которая колет. Я ведь тоже об этом думала. Это была яркая, обжигающая, всеобъемлющая страсть. Мы вроде уже были взрослыми тогда, а не глупыми желтороти-

ками, но мы провалили экзамен жизни. То, что начиналось так красиво, закончилось нехорошо.

— Ты спрашиваешь, вспоминал ли я тебя? Да, часто. Мне не хватало твоего смеха и улыбки. Твоего ума, наших долгих разговоров. Даже твоего чувства юмора. Но я отгонял все мысли о тебе.

— А ты вообще любил меня когда-нибудь? — глотая слезы, спрашиваю его громко, а он делает шаг вперед и обнимает крепко, целует в макушку.

— Я любил. Правда.

— Не верю. Не верю.

— Правда любил. Тише, тише, — успокаивает, еще сильнее сжимает в объятиях.

— Сам ты тише! Ненавижу!

Вырываюсь и не взглянув на него, бегу под дождем домой, где он меня найдет, не достанет. Мне слишком больно, чтобы дышать, думать, говорить. Сегодня вечером я могу только плакать.

Глава 14

Только плакать. Остается только плакать, чтобы стало легче и осушить бокал, в котором слезы такие соленые и горячие, как в кипящем котле.

Этот ливень будто ждал этой ночи, чтобы мы вдвоем застряли под аркой и наконец, поговорили. И я не знаю даже, что страшнее: моя прошлая неуверенность в нас, мой опрометчивый поступок под воздействием коктейлей, чужая зависть и злоба, его недоверие, его слепая готовность поверить другу, а не девушке, которой клялся в любви, мое молчание и его предательство.

Сегодня только понедельник, а это значит, впереди еще целая неделя на одном этаже и в одном здании. Это будет невыносимо, я знаю.

Не в силах держать все в себе, я звоню Лязе. Сначала просто плачу в трубку, а на слушает мой вой и молчит, дает выплакаться. Потом я затихаю и тихо скулю, как побитая собака.

— Я приеду сейчас, — раздается голос подруги.

— Не надо. Дождь. Дочка.

— Она у папани.

— И все равно не надо. Опасно в такой ливень.

— Тогда рассказывай: что, где когда?

— Арлан, под аркой, полчаса назад.

— Вашу Машу!

— И ее тоже.

Пересказываю весь наш разговор, мои эмоции, его объяснения. Ляззат была в том баре и единственная подбежала ко мне, когда мужик начал меня лапать. После того, как ему вырезала я, это сделала Ляза. Но, конечно, ничего из этого не попало на видео. Или же попало, но Куат вырезал.

— Если бы была пятница я бы пошла в клуб танцевать и бухать, — предложила подружка.

— Я больше не буду бухать, — шмыгаю носом. — И тебе советую.

— А танцевать? Мне кажется, надо развеяться. Договорюсь с бывшим, чтоб забрал наше сокровище на выходных.

— Какой хороший бывший.

— Дрессировки-тренировки, чё уж.

— Высокие отношения!

— Ну что, давай в пятницу после работы в “Метелицу”?

— А давай. Соберешь девчонок?

— Конееееечно, — с готовностью ответила моя Ляза и мне стало легче просто от ее голоса, от ее поддержки. — А ты быстро пошла, набрала ванну с солью и перестала уже страдать по бывшему. То изменил, то женился, то приехал извиняться. Енот-полоскун, ну нахрен его.

— Почему енот? — сквозь слезы пробивается смех, потому что кого-кого, а Арлана никак не назовешь енотом.

— Потому что гладиолус! — отвечает она старой КВНовской шуткой. И все-таки как же мы с ней совпадаем.

Горячая ванна действительно помогает расслабиться и заснуть и забыться. А утром я просыпаюсь с рассветом и долго лежу в кровати, вспоминая прошлое, наши сумасшедшие ночи и сладкие пробуждения, когда было так приятно чувствовать его дыхание на своей коже, теплые, сильные ладони на бедрах, заводящий с полоборота шепот. Все безнадежно разрушено и вчера хрупкая нить окончательно разорвалась.

Что дальше? А дальше буду жить, как всегда, но уже зная правду. Наломали мы дров, но былого не вернуть, как и не войти в одну реку дважды. Я остыну и успокоюсь. Обещаю.

Собираясь на работу следующим утром, получаю неожиданное сообщение на телефон:

“Привет! Можем вместе поехать в клинику”.

Долго смотрю на экран, кусая губы и придумывая ответ. В итоге ограничилась коротким “Нет” и больше мой сосед напротив не пишет.

На работу выхожу в привычное время, но сегодня моих апашек не видно. Это хорошо, никто не спросит, почему я сегодня загруженная и задумчивая. В восемь еще не так жарко, да и доехать удастся сидя. Помимо выплаты ипотеки, я коплю на голубую мечту — машину. Думаю взять “китайца”, потому что он дешевле, чем “японец”. Однако “японец” до-

роже, потому что качественней, и у меня серьезная дилемма. Задумавшись об этом, не сразу слышу, как меня кто-то окликает.

— Майя, — поравнявшись со мной, говорит Арлан.

Повернув голову, мажу по нему быстрым взглядом. Синюю брюки, черный ремень, белая рубашка, солнцезащитные очки - авиаторы, в руках открытая бутылка воды.

— Что? — спрашиваю равнодушно, продолжая идти.

— Почему не отвечаешь? — голос сиплый, простуженный.

— Не слышала, — пожимаю плечами.

Он присасывается к горлышку бутылки и жадно пьет воду, будто у него дикий сушняк. Подозреваю, что ему хреновенько.

— Похмелье?

— Если бы. Донер “У Арифа”, — прочищает горло, коснувшись рта кулаком.

Опустив голову, поджимаю губы, чтобы не рассмеяться, но он это замечает.

— Что смешного? Не ты ли говорила мне про “Регидрон”?

— Вообще-то я пошутила. Там вкусные и свежие донеры, я сама у него беру.

— А зачем тогда? — он останавливается и поворачивается ко мне.

— Самовнушение творит чудеса, правда? — поднимаю на него шальные глаза. — Ночь в обнимку с белым другом не

прошла бесследно?

Он снимает свои очки и я замечаю живописные синие круги под глазами.

— Маленькая мстительная пчёлка, — на губах играет почти довольная ухмылка.

— Старый облезлый волк, — задираю голову и бесстрашно выплевываю ему слова в лицо. — Акела промахнулся.

Между нами молчаливая битва, когда один взгляд уничтожает мощнее напалма.

— Я не хочу войны. Я приехал с миром.

— Тогда просто не лезь на мою территорию и не нарушай границы. Никто не узнает о нас. Не компрометируй меня и будет тебе счастье.

— А если я не смогу? — усмехается.

— А ты смоги.

Глава 15

Арлан

Когда все карты раскрыты, все обиды высказаны, и вроде бы поставлена точка вместо многоточия, наступает тоскливая, бездонная, немая пустота.

Привыкший думать, что больше не люблю ее, я неожиданно вновь тону в ее глазах и замираю, когда слышу ее голос. Мой план был достаточно прост: закрыть гештальт, рассказав ей правду, извиниться, добиться прощения. Но я никак не могу подумать, что новое и необъяснимое накроет меня рядом с ней. Ее глаза больше не светятся любовью и восхищением, она воздвигла вокруг себя глухие стены и обложила границы колючей проволокой. Майя уже не та маленькая пчёлка, которую я обожал. И в этом моя вина. Я сам погасил в ней и в себе чувства, которые могли гореть по сей день. Это могло быть великой любовью. Но так и не стало.

Каждое утро она проводит на балконе. Двор только просыпается, солнце светит ярко, но не беспощадно, а птицы заливаются трелью. Майя выходит с дымящейся чашкой кофе и несколько минут наслаждается тишиной. На ней всегда шорты, открывающие стройные ноги, и топ, подчеркиваю-

щий красивую грудь.

Несколько дней я наблюдал за ней, стоя за окном. Обзор мешали шторы, но я не хотел себя выдать. Просто любовался, следил за каждым движением, сквозь прозрачный тюль с незамысловатым рисунком. Потом остужал себя и заставлял собраться.

Пятничным утром она уже ни свет ни заря стоит на посту. Грется на солнце, закрыв глаза и улыбаясь. В руках - чашка, волосы собраны в высокий пучок на голове. Такая домашняя, хрупкая, маленькая. Я бы сказать, что она тонкая, как фарфор, но я знаю, как эта женщина жалит беспощадно, припечатывает острым языком, за словом в карман не лезет.

Наблюдений из засады мне уже мало, поэтому убрав тюль в сторону, выхожу на балкон. Тоже с кружкой, в домашних штанах и футболке. У меня здесь ничего нет. Только синее ведро с тряпкой и швабра. Это у нее, как у девочки, эстетика: стол, стул, цветы в горшках. Но они меня не волнуют, потому что я вновь пожираю ее глазами, пока она не видит.

Но вот солнце на мгновение скрывается за облаком и она, наконец, опускает голову. Удерживая кружку двумя руками, она делает глоток кофе, довольно морщится, и поднимает голову. При виде меня улыбка сползает с ее губ. В выразительном и убийственном взгляде застывает вопрос: “Какого хрена?”

Да я и сам затрудняюсь ответить. Просто хочу на нее смотреть. Просто она вновь меня волнует все сильнее день ото

дня. И избавиться от навязчивых мыслей о ней получается только под холодным душем.

Через пару минут она уходит. Я знаю, в какое время она стоит на остановке. Выхожу с ней в одно время, чтобы снова пересечься во дворе и поймать на себе ее красноречивый, сердитый взор. По дороге к машине здороваюсь соседками, которые занимаются по утрам скандинавской ходьбой. Они как-то странно смотрят на меня, загадочно улыбаются и хихикают.

— На работу уже, да? — спрашивает одна из них.

— Да, — я приветлив, но тороплюсь, потому что хочу сейчас остановиться рядом с остановкой и предложить Майе доехать вместе.

— А где вы работаете?

— Я - врач. Гинеколог.

Бабушки краснеют, робеют, протягивают удивленное “Ааа”.

— Наша соседка тоже гинеколог. Тебе, Арланчик, сколько лет?

Арланчик? Меня так сто лет никто не называл. Только мама в детстве.

— Сорок.

— Ты не женат?

— Разведен.

— У нас есть очень хорошая девочка. 36. Не замужем. Кстати, живет в доме напротив.

— Девушка низкого роста с каштановыми волосами и большими глазами?

— Познакомились уже? — взбодрившись, допытываются старушки.

— Видел из окна.

— Хороша, да? Интересно?

— Допустим, — киваю, усмехнувшись.

— Майя. Вот такая девочка, — одна из апашек показывает большой палец, — вот такая.

— Хочешь телефон ее дадим?

Перевожу взгляд с одной на другую, третью, и, посмеявшись, соглашаюсь. Они-то не знают, что он у меня уже есть.

— Давайте. Но, — хмыкаю, — вы за меня тоже замолвите слово.

— Конечно-конечно, Арланчик. А как же?

Когда я подъехал к остановке, Майи уже не было. Ладно, не судьба сегодня. Она же просила, чтобы не выдавал нас на работе, но о жизни вне центра речи не было. До обеда мы с ней никак не пересекаемся, у каждого плотный график. После забора яйцеклеток и двух переносов эмбрионов, я поднимаюсь на кухню и слышу ее голос. Стою в дверях и смотрю, как она нажимает на кнопки кофемашины и наговаривает сообщение на телефон:

— Я напоминаю для тех, у кого в самый неожиданный момент не понос, так золотуха, что сегодня в восемь мы встречаемся в “Метелице”.

Ух и повеселимся мы завтра в "Метелице"))))

Глава 16

Майя

Шикарный вечер, классная музыка, я забываюсь на танцполе и отпускаю себя. Я не боюсь, что меня в моем черном коротком платье с блестками могут увидеть пациенты. Сегодня я не Майя Каримовна, я маленькая пчёлка, которая очень хочет танцевать. Мое тело просит этого, ему нужна разрядка. И теперь я отрываюсь, не думая ни о чем и ни о ком.

Руки то плавно летят вверх, то опускаются вниз в такт музыке, двигаю бедрами, переставляю ноги на высоких шпильках, совсем не чувствуя боли и дискомфорта. Громкая музыка вышибает все дурные мысли. Мы с подругами зажигаем на этом танцполе и кажется, никто так не кайфует, как мы. А я больше всех.

Пока две девчонки из нашей компании пошли в туалет, а Ляза убежала на улицу позвонить дочери, я направилась в бар, размахивая перед лицом ладонями. Жарко. Капельки пота выступили на висках, а она покатилась вниз по шее и угодила в ложбинку между грудями.

— Воды, пожалуйста, — дежурно улыбнувшись бармену, веду ладонью по гладкой поверхности стойки.

— Привет, — доносится справа. Бар дальше от танцпола,

музыка здесь не такая громкая, поэтому незнакомцу не нужно напрягаться, чтобы перекрыть ее.

— Привет, — смерив его быстрым, равнодушным взглядом, поворачиваю голову и смотрю как парень в черной футболке вытаскивает из холодильника бутылку воды и ставит ее передо мной вместе со стаканом.

— Ты классно двигаешься.

— Спасибо, — не смотрю на мужчину справа и наливаю воду в бокал.

— Могу я тебя угостить? — теперь он совсем близко, можно сказать влез в моей кружок.

— Чем? Водой? — обхватив пузатый стакан пальцами, встаю к нему вполоборота и выгибаю бровь. Черная рубашка, серые брюки, раскосые глаза. Высокий, поджарый А мужчина с опасным взглядом самца и хищника. Еще один альфац на мою голову.

— А что ты любишь покрепче? — усмехается, упирается ладонью в стойку.

— Я люблю воду и ничего крепче не пью.

Кажется, я задержалась, потому что еще пара фраз даст ему повод подумать, что это флирт. Значит, уносим короткие ноги на высоких шпильках.

— Чай? Но не здесь, а завтра в обед или вечером? — не понимает он. — Чай - достаточно крепкий для тебя?

Допиваю воду из стакана, чуть задираю голову и вижу, как с балкона второго этажа меня испепеляет взглядом мой шеф.

И ты, Брут, тут?

Чувствую, как горят щеки от его взгляда и не сразу сообщаю, что незнакомец может подумать, что краснею из-за него.

— Боюсь, на завтра я уже ангажирована.

Запрокинув голову, мужчина смеется. Таращусь на него. Я сказала что-то смешное?

— Мне нравятся острые на язык девушки, — говорит и протягивает мне руку. — Арыстан.

Лев в переводе. Ну прекрасно, просто “В мире животных какое-то”. Волк у меня уже был, теперь несите льва. Кстати, а где-там Акела? Поднимаю глаза и в полутемном зале встречаюсь с ним взглядом. Его ладони сжимают парапет и смотрит напряженно. А я перевожу взгляд на собеседника и подаю ему ладонь.

— Майя.

— Май-яя, — он растягивает звуки, пробуя мое имя на вкус. — Красиво имя и вы очень красивая.

Подкат. Осторожно, двери закрываются! Убираю свою руку и оглядываюсь в поисках своих девчонок.

— Так и чем вы будете заняты завтра? — прячет ладони в карманах серых брюк и сканирует своим азиатским, хищным взглядом.

— Вы из Комитета национальной безопасности?

— Нет, — нахмурился, но не перестал лыбиться. — С чего вы взяли?

— С чего вдруг такой допрос с пристрастием?

— Хочу пригласить на свидание, — стоит на своем, а я уже чувствую, как у меня горит и плавится лоб, потому что кое-кто сверху все еще смотрит и прожигает по центру дырку. А между тем, Арыстан вытаскивает из кармана “Яблочко” последней модели, включает его и смотрит искоса, как типичный Альфач.

У меня в голове снова пошла бегущая строка: “Валим, Майя! Это тебе не комфортаик Диас. Это мать его самец!” Но потом я понимаю, что бывший все еще за нами наблюдает и забыв о принципах и бдительности, решаю все сделать ему назло.

— Можно номер? — просит Арыстан.

Тяжело вздыхаю.

— Ладно, можно. 8747-250-61-28

Слишком легкая добыча. Окей, переобуюсь потом в поле-те.

— Записал. Звоню тебе.

— Зачем?

— Чтобы ты сохранила мой номер и знала, что это я, когда завтра позвоню.

— Надо же, — изогнув бровь, хохочу, но без улыбки. — Какой самоуверенный.

— А почему нет?

— Потому что гладиолус! — отвечаю первое, что приходит в голову и в этот момент вижу за спиной льва своих дев-

чонок. Они машут мне руками и зовут к себе. — Ну мне пора, — киваю и прохожу мимо, зная, что он смотрит мне вслед. Наверх не смотрю. Я и так знаю, что волк все еще там.

Еще несколько минут на танцполе я чувствую на себе мужские взгляды. Где-то вдалеке стоит мой новый знакомый, но не танцует, просто наблюдает. Ляза, перекрикивая музыку, спрашивает кто такой. Я ору ей на ухо, что потом расскажу. Через несколько минут он уходит со своего поста, а мне вдруг страшно приспичило. В туалете на удивление никого нет и я быстро делаю свои дела, мою руки и смотрю на себя в зеркало. Сегодня я очень себе нравлюсь. Сегодня я та, кто кружит головы. И это очень неожиданная роль, дарящая противоречивые ощущения. Из маленькой сумочки на тонкой цепочке достаю красную помаду и провожу ею по губам. Складываю их бантиком, взбиваю пальцами волосы и повернувшись спиной, оборачиваюсь и проверяю вид сзади. Платье для меня, конечно, мега короткое. Но этот наряд вместе со шпилькам делает из меня другого человека.

Выхожу из уборной и прикрываю за собой дверь. Где-то вдалеке гремит музыка. Пара шагов в сторону лестницы и вдруг кто-то хватает меня за запястье и резко разворачивает. Врезаюсь в стальную, мужскую грудь, храбрюсь и пытаюсь вырваться. Но подняв глаза, замираю на пару секунд и гневно бросаю:

— Ты! Отпусти меня! Отпусти!

Он ничего не говорит, но лицо такое недовольное и тем-

ное, что мне страшно становится. Взяв меня в охапку, он открывает первую попавшуюся дверь и заталкивает меня туда. Какое-то маленькое служебное помещение с одним окошком, откуда проникает свет с улицы.

Прижав меня к стене, волк нависает надо мной, поставив одну руку рядом с моей головой, а другой удерживает за талию.

— Ты охренел? — шиплю на него змеей.

— Что за мужик? — цедит сквозь зубы, сжимая ткань, а вместе с ней и кожу. Внутри я взрываюсь гневом, снаружи полна ядовитого сарказма.

— Не твое дело, Акела. Как ты здесь оказался?

— Случайно.

Врет же. Нутром чую, что это не совпадение. Мы оба учащенно и громко дышим. В полумраке тяжело разглядеть глаза, но чувства обострены до предела. Еще одна попытка вырваться заканчивается провалом, потому что которой он упирался в стену, оказывается на моей шее. Он ведет ею вверх, фиксирует затылок и крепко удерживая, поглаживает большим пальцем кожу.

— Я не верю в такие совпадения. И тебе больше не верю.

— А поверишь, если я скажу, что меня снова к тебе тянет? Что я снова схожу по тебе с ума, — горячее дыхание обжигает, а слова совершенно выбивают из колеи.

— Нет, не поверю, — меня, наверное, выдает дрогнувший голос, потому что он только усмехается и склонив го-

лову, останавливается в волнующей и угрожающей близости от моих губ.

— Я не могу смотреть, как ты флиртуешь с другими, — признается тихо.

— Я же смотрела, как ты женился на другой, — злорадствую я шепотом, а самой больно. — Поэтому плачь и смотри со стороны.

Арлан никак не отвечает на мой выпад, потому что ему нечем крыть козырную карту. И от того, что слова и объяснения закончились, он вдруг резко приподнимает меня, заставляя обвить талию ногами, и заглушает мой протест поцелуем. Он безжалостный, нетерпеливый и дурманящий. Губы болят от силы и напора, а моя девичья гордость прячется от страха в уголок и боится высунутся.

Что я делаю? Где моя смелость? Где моя сила воли? Где черт возьми здравый смысл? Платье задрано, ноги бесстыдно скрещены за его спиной, тело окончательно предает меня. Похоже, Центр управления мозгом отключился, а гипофиз снова шалит, отправляя вниз сигнал о безоговорочной капитуляции. Я так не играю. Я так не играю....

И тем не менее, я беру его лицо в ладони, целую также жаростно, разрешаю ему проникнуть языком глубже и - О Боже! - отвечаю, постанываю от удовольствия, от того, как он целуется, как сильно сжимает кожу на ягодицах.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.